

# ЖУРНАЛЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ  
ЖУРНАЛЪ  
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLIII г.

№ 23

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ Модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XLIII

1912

Выданъ 9-го іюня 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Куприна“ кн. 9.



О. Кипренскій. Г-жа Прейсъ съ ребенкомъ (1809 г.). Собств. И. С. Остроухова въ Москвѣ.



## Избалованный.

Веселая повесть въ духъ времени.

Ал. Лугового.

(Окончаніе).

### XIX.

Нина Михайловна сѣла въ кресло у стола.

Прошла минута въ молчаніи.

Володя заговорилъ первый:

— Итакъ, мама, давай кончимъ этотъ разговоръ... Ты не допускаешь мысли, чтобъ я женился на Ольгѣ Петровнѣ...

Нина Михайловна, въ глубокомъ раздумьѣ, со взглядомъ, безцѣльно обращеннымъ въ сторону, тихо сказала:

— Да. Какъ-то все существо мое противится этому...

Володя тономъ спокойнаго вопроса сказалъ:

— Это потому, что она дочь ссыльнаго?

Нина Михайловна добавила въ отвѣтъ:

— И сама можетъ сдѣлаться революционеркой.

— Мама, я не для этого женюсь на ней, не для этого она выйдетъ за меня замужъ.

— Можетъ-быть. Но я не знаю... я какъ-то не представляю себѣ тебя ея мужемъ, а ее—твоей женой.

— Мама, но ты же и сама, теперь ближе узнавъ ее, признавала, что она милая дѣвушка, умна, съ большимъ тактомъ...

— Да, все это такъ...

— Образована, серьезна, красива, жизнерадостна.

— Да, все это такъ. И все-таки...

— Все-таки тебѣ кажется, какъ это вдругъ совсѣмъ бѣдная дѣвушка, живущая уроками, войдетъ хозяйкой въ домъ милліонера Китаева?

— Да. Мнѣ это представляется... какъ сказать?... ну, какъ-будто хотя и милой картиной, но не въ соответствующей рамѣ.

— Ну, знаешь, мама, я никогда не сталъ бы выбирать картину подъ готовую раму, а только раму къ картинѣ. Ольга Петровна нравится мнѣ... скажу просто: я люблю ее.

Нина Михайловна съ легкой усмѣшкой и тономъ сомнѣнія сказала:

— Такъ скоро?

Но Володя очень спокойно и ласково отвѣтилъ ей:

— Мама, бываетъ, что человекъ всю жизнь выбираетъ и не можетъ ничего выбрать. Скажи—чего ты хотѣла бы для меня? Свѣтскую дѣвушку, внѣшне блестящую, со связями?..

— Да. Конечно. Этого же хотѣлъ и отецъ твой. Во всякомъ случаѣ дѣвушку изъ тѣхъ семей, которыя мы давно знаемъ... которыя на виду. А тутъ—случайная дачная встрѣча, мѣсяць знакомства—и уже подъ вѣнецъ! Я никогда не считала тебя легкомысленнымъ...

— Но, мама, прежде всего я хочу того, чего я хочу. Ты, пожалуй, ничего не имѣла бы даже противъ того, чтобъ я женился на дочери или племянницѣ Россина, хотя тутъ тоже „случайная дачная встрѣча“?

Нина Михайловна очень благожелательно сказала:

— Если бѣ Муза тебѣ нравилась... такъ отчего же и нѣтъ? Россины извѣстны. Они безъ средствъ, но съ огромными связями, и Муза могла бы создать тебѣ...

Володя нервно прервалъ ее:

— Ну да, да! Создать всю ту обычную свѣтскую и денежную чепуху, которая, въ сущности, никогда меня не интересовала.

Нина Михайловна, съ иронической улыбкой, немного вызывающимъ тономъ сказала:

— Никогда не интересовала? Такъ ли?

Володя не сталъ спорить:

— Ну, вѣрнѣе, меня не интересовали тѣ дѣвушки, для которыхъ одно это можетъ служить цѣлью жизни. Онѣ уже сразу отталкиваютъ меня.

Онъ съ минуту походилъ по кабинету въ молчаніи. Потомъ остановился и, положивъ локти на спинку своего кресла, посмотрѣлъ на мать пристальнымъ взглядомъ и заговорилъ дружескимъ тономъ:

— Мама, будемъ откровенны. Откроемъ наши карты. Выслушай меня... Есть еще одна дѣвушка, которая мнѣ нравится, ко-

торую даже, повидимому, и покойный папа прочилъ мнѣ въ жены. Мы знакомы давно, но, когда я прошлой зимой, полушутя, даль тебѣ понять о возможности серьезнаго увлеченія ею съ моей стороны, ты всячески поспѣшила отклонить это...

Нина Михайловна энергично прервала его:

— Да,—потому что я находила, что Лена Пенинская для тебя точно также не пара... потому что я всегда рассчитывала для тебя на какой-нибудь болѣе блестящій бракъ. А Лена?.. Я думаю, что тебѣ она нравилась просто потому, что ты друженъ съ Котей, и мы слишкомъ часто видѣлись съ Пенинскими. Ты еще слишкомъ молодъ и неопытенъ, могъ принять простую привычку за любовь, а потомъ...

Володя посмотрѣлъ на нее ироническимъ, но доброжелательнымъ взглядомъ и сердечно сказалъ:

— Нѣтъ, мама, не то!.. Не сердись на меня, что я позволю себѣ быть слишкомъ откровеннымъ съ тобой. Но пора!..

И, помолчавъ, точно собираясь съ духомъ, онъ рѣшительно произнесъ:

— Мама,—я знаю, что ты любишь Антона Сергѣевича, и онъ любитъ тебя.

Нина Михайловна смутилась, но, готовая защищаться, рѣзко озарила:

— Съ чего ты взялъ это?

— Мама, я взрослый. Обладаю большой наблюдательностью и надѣюсь, что ты понимаешь, что, несмотря на мою манеру постоянно шутить, я очень серьезенъ. Выслушай меня спокойно и отвѣть мнѣ съ тѣмъ же довѣріемъ, съ какимъ я хочу говорить съ тобой. О томъ, что между вами съ Антономъ Сергѣевичемъ установились интимныя отношенія, я догадался давно... вскорѣ послѣ смерти отца. Когда они начались, не знаю. Какъ далеко зашли они теперь—тоже еще не знаю. Да для меня это безразлично. Но я понялъ, что ваша взаимная любовь, тщательно скрываемая отъ постороннихъ глазъ, растеть, что она можетъ найти выходъ въ бракъ, и это казалось мнѣ совершенно естественнымъ. Я потому и Лену полюбилъ, что моей душѣ были близки и брать ея и отецъ. Я чувствовалъ, что это, такъ сказать, моя семья. Но по той „безграничной“ страстности, съ которой ты нынѣшней зимой старалась отговорить меня отъ увлеченія Леной, я понялъ еще и нѣчто другое. Я понялъ, что мой бракъ съ нею помѣшаетъ твоему браку съ ея отцомъ, ибо ни по церковному обряду ни по гражданскому обычаю неудобно моей матери приходиться женой моего тестя. Я ничего не сказалъ тебѣ тогда, мама. Но я все обдумалъ. Я люблю тебя—и рѣшилъ уступить тебѣ въ этомъ случаѣ дорогу.

Нина Михайловна, съ опущеннымъ взглядомъ, безотчетно еще противясь признать правду его наблюдений, тихо возразила:

— Володя, все это не такъ!

— Нѣтъ, мама, не прерывай, — все это такъ!..—Помолчавъ, онъ продолжалъ:—Тогда я сталъ менѣе внимателенъ къ Ленѣ. Я сталъ избѣгать всего того, что могло бы подать ей поводъ надѣяться на предложеніе. Какъ видишь, мама, я ничѣмъ не показывалъ тебѣ въ то время, что происходитъ въ моей душѣ,—я былъ какъ-будто только послушенъ твоимъ совѣтамъ...

— Володя...

— Не прерывай, мама. Но вотъ теперь я замѣтилъ нѣчто нехорошее. Повторяю, я не знаю, какъ далеко зашли вы въ вашихъ интимныхъ отношеніяхъ, но, очевидно, вы уже подали поводъ догадываться о нихъ и постороннимъ.

Нина Михайловна, не вставая, горделиво выпрямилась и въ возмущеніи рѣзко проговорила:

— Когда? Гдѣ?

— Не знаю, мама. Я стараюсь держать себя такъ, какъ-будто ничего не замѣчаю, ни о чемъ не догадываюсь. Но со времени моихъ именинъ я вижу странную перемену въ генералѣ въ его отношеніяхъ ко всѣмъ намъ и къ Пенинскимъ. Ты видѣла, какъ до того дня генералъ готовъ былъ ухаживать за тобой,—



теперь онъ сухъ... чтобъ не сказать больше. Муза и Маня прямо признались мнѣ тогда въ любви... и я долженъ былъ призвать на помощь весь свой умъ и тактъ, чтобъ отразить это нападеніе... безъ урона для достоинства нападающихъ и безъ грознаго призрака реванша... Ты видишь, мама, что это событіе осталось тайной для всѣхъ...

Нина Михайловна воспользовалась, чтобъ, выгораживая себя, сдѣлать Володѣ упрекъ, и серьезнымъ тономъ сказала:

— Да, но ты съ этого дня познакомился съ Ольгой Петровной и сталъ слишкомъ явно выказывать ей едва ли не больше вниманія, чѣмъ другимъ. Одно этого могло быть достаточно, чтобъ отношенія къ намъ генерала нѣсколько измѣнились.

— Возможно, что такъ, — согласился Володя и потомъ, съ вызывающей усмѣшкой, нерѣшительнымъ тономъ задалъ вопросъ: — Но одно ли это?.. Я думаю, что внезапный отъѣздъ Антона Сергѣевича и увозъ Лены—все это находится въ нѣкоторой зависимости отъ какой-то тайны, которую, мнѣ кажется, знаетъ генералъ... и не знаю я.

Нина Михайловна съ достоинствомъ отвѣтила:

— Ничего не знаю и я!.. Антонъ Сергѣевичъ при тебѣ говорилъ, что ѣдетъ въ Кіевъ по своимъ строительнымъ дѣламъ, Лену давно звала къ себѣ гостить ея тетка, и могу тебя увѣрить...

Володя ласково остановилъ ее:

— Я вѣрю тебѣ, мама! И съ своей стороны могу сказать: тѣмъ лучше! Но дѣло не въ этомъ. Я просилъ Ольгу Петровну сегодня прійти получить ея гонораръ за уроки. Мама, ты знаешь, что я могъ бы обойтись и безъ твоего согласія на бракъ... но зачѣмъ сталъ бы я нарушать наши такія всегда хорошія, добро-сердечныя отношенія! Мама, я хочу сейчасъ сдѣлать Ольгѣ Петровнѣ предложеніе. Благослови меня.

Нина Михайловна растерялась. Она не ожидала, что вопросъ будетъ сразу поставленъ въ такой рѣшительной формѣ. И она почти въ отчаяніи сжала руки и съ огорченіемъ произнесла:

— Володя! Володя!

Но Володя уже перемѣнилъ свой патетически-серьезный тонъ на шуточный и тоже воскликнулъ:

— Мама, мама!.. Если ты не хочешь по-благородному, я чуть-чуть пошантажирую: а! ты не хочешь дать мнѣ благословенія на бракъ съ Ольгой Петровной?—такъ знай же: я тайно отъ тебя женюсь на Ленѣ.

Нина Михайловна, уже поддаваясь его шутовскому настроенію, но все еще не зная, сердиться ли ей, шутить ли, соглашаться или протестовать, только беспомощно возражала:

— Ахъ, Володя, что ты говоришь!..

— Мама, я говорю, что думаю. Ты любишь Антона Сергѣевича... Ну, что же ты молчишь? Отвѣчай: любишь? Ты молчишь. Я отвѣчаю за тебя: выходи за него замужъ, я предоставляю тебѣ свободу своей женитьбой, а я...

Онъ опять сразу сталъ серьезенъ и заговорилъ медленно, точно хотѣлъ представить себѣ въ воображеніи картину того, о чемъ говорилъ:

— Мама, представь себѣ, что я соблазнилъ бы — выражаясь высокимъ слогомъ—Ольгу Петровну и вступилъ бы съ нею въ гражданскій бракъ тайно отъ тебя, отъ общества, и такъ далѣе,—вѣдь ты не могла бы удержать меня отъ этого?..

Нина Михайловна молчала.

— Прижили бы мы съ ней ребенка, а потомъ я вздумалъ бы бросить ее. Какъ ты думаешь, какъ ты отнеслась бы къ этому?.. Отвѣчай, мама! Отвѣчай же, отвѣчай!

Нина Михайловна сказала неопредѣленно:

— Это твое дѣло, Володя. Въ такихъ случаяхъ эту семью обеспечиваютъ...

Володя грустно улыбнулся и съ снисходительной нѣжностью тихо произнесъ:

— Стыдись, мама!.. — Потомъ, съ сознаниемъ превосходства своего мышленія и преимущества своего положенія, онъ повернулъ опять все въ шутку и съ веселой улыбкой добродушно покровительственно сказалъ: — За этотъ отвѣтъ я могу наказывать тебя такимъ предположеніемъ: сойду съ тобой въ Ольгой Петровной, приживу съ нею не одного, а дюжину ребятъ, буду всѣхъ обеспечивать и все не буду жениться на ней, чтобы не сдѣлать тебѣ этимъ непріятное. А ты тѣмъ временемъ либо выйдешь за-

мужъ и получишь только седьмую часть наслѣдства, либо, чтобъ сохранить свое участіе въ китаевскомъ дѣлѣ, состаришься вдовой. Выбирай любое.

И, снова дѣлаясь нѣжно-ласковымъ, онъ продолжалъ:

— Мама!.. Я очень избалованъ и покушней любовью и самыми серьезными ухаживаніями за мной. Такъ повѣрь мнѣ, что, если я хочу сдѣлать теперь такой рѣшительный шагъ, я не заблуждаюсь ни въ моихъ чувствахъ ни въ послѣдствіяхъ этого шага. Я, кажется, далъ достаточныя доказательства моей житейской проницательности... Мама, благослови меня на счастливый бракъ съ Ольгой Петровной!

У Нины Михайловны уже блестѣли на глазахъ слезы. Она протянула къ сыну руки и могла только восторженно произнести:

— Володя! Дорогой мой!..

Онъ опустился передъ нею на колѣни.

Она положила ему руки на голову и стала цѣловать его голову, а онъ цѣловалъ ея руки, то ту, то другую. Но Володя сейчасъ же рѣшительно всталъ, веселый, радостный, поспѣшно вынулъ изъ кармана часы, взглянулъ и уже обычнымъ шутовымъ тономъ сказалъ:

— Ну, мама, наша семейная сцена затянулась болѣе, чѣмъ я рассчитывалъ. Теперь уходи! Ольга Петровна сію минуту придетъ сюда.

Нина Михайловна встала, взволнованная, со слѣдами слезъ на глазахъ, но улыбающаяся, и, уже стоя, обнимала и цѣловала сына:

— Володька, Володька! Ужъ и плутъ же ты!.. И упрямый!

Володя продолжалъ смотрѣть на часы и говорилъ:

— Мамочка, уходи!

Онъ крѣпко поцѣловалъ ее, проводилъ до порога столовой, еще разъ поцѣловалъ ея руку и пошелъ къ дверямъ на террасу; пріоткрылъ ихъ, посмотрѣлъ въ садъ, опять закрылъ двери и вернулся въ кабинетъ; потомъ раза два прошелся, нервно поглядывая въ гостиную, и сѣлъ въ кресло противъ письменнаго стола въ ожиданіи.

## XX.

Но вотъ—на террасѣ послышались шаги, Володя быстро всталъ и пошелъ туда. Нѣтъ, это не Ольга Петровна! Входитъ Котя и дружески здоровается съ Володей. И съ усмѣшкой говоритъ ему:

— Экъ ты продрыхъ сегодня!

Володя не расположенъ сейчасъ ни къ какимъ разговорамъ, но присущая ему деликатность заставляетъ его все-таки отозваться:

— А ты уже съ прогулки?

— Да.

— Несмотря на дождь, искалъ затерявшуюся частицу своей души? Съ Маней или съ Музой?

— Съ женой механика.

— Вотъ какъ! Смотри, онъ—мужчина крупный.

— Я осторожно. Въ его присутствіи. Забрелъ къ нимъ на террасу, спасаясь отъ дождя, и меня угостили утреннимъ кофе.

— А какъ же Россины?

— Какъ сегодня—не знаю. А вчера вечеромъ злословили на твой счетъ: хотятъ по приѣздѣ въ Петербургъ изучить: Маня—испанскій, а Муза—новогреческій, чтобъ потомъ давать тебѣ уроки.

— Bravo! Очень радъ! Тѣмъ болѣе, что мои занятія итальянскимъ кончаются.

Котя, улыбаясь одними глазами, съ порядочной долей сарказма сказалъ:

— Ты, кажется, сдѣлалъ большіе успѣхи?

Володя добродушно, но очень сдержанно отвѣтилъ:

— Кажется. И уже серьезно, дружески положивъ Котѣ руку на плечо, сказалъ:—Кстати, милый другъ, вотъ что: уходи-ка ты сейчасъ отсюда въ свою комнату. Ибо я жду Ольгу Петровну, и мнѣ предстоитъ сегодня расплачиваться съ нею за уроки, а такіе расчеты въ присутствіи другихъ...—ты знаешь... это стѣснить и ее и меня.

Котя пристально посмотрѣлъ ему въ лицо и потомъ тоже дружески-серьезно сказалъ:

— Ты правъ. Ухожу.

И Котя направился къ себѣ чрезъ столовую.

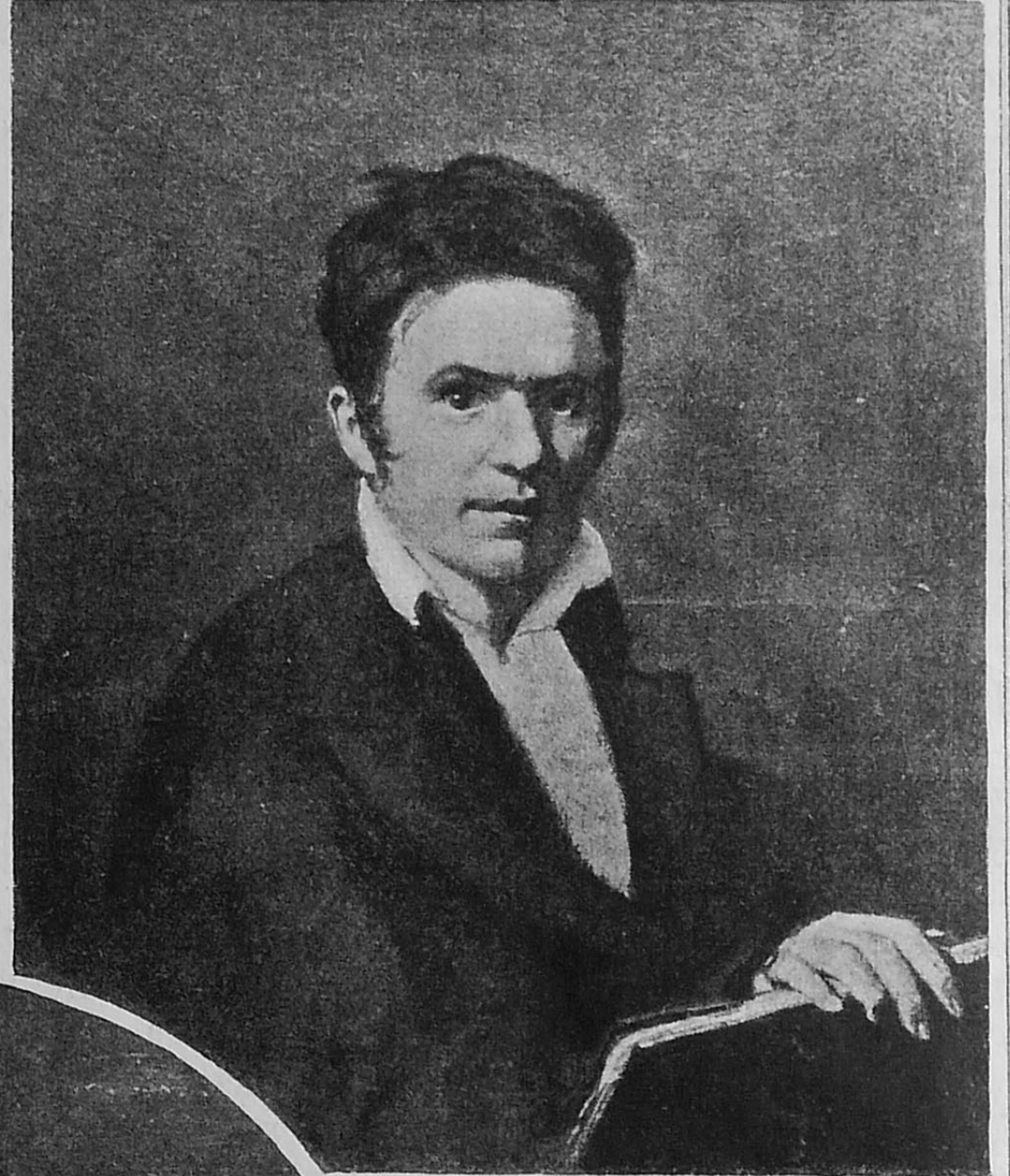
Володя кивнулъ-было ему на прощанье головой и вдругъ вспомнилъ:



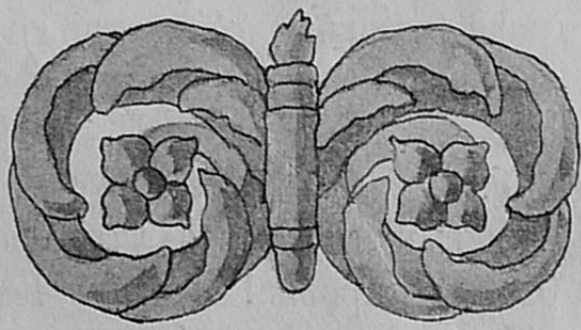
# ОРЕСТЬ АДАМОВИЧЪ КИПРЕНСКІЙ



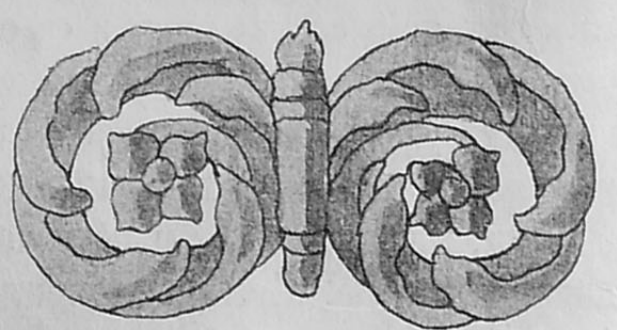
Автопортретъ (около 1808 г.).  
Собств. П. П. Барышникова въ СПб.



Автопортретъ (1822-23 г.г.).  
Собств. А. П. Боткиной въ СПб.



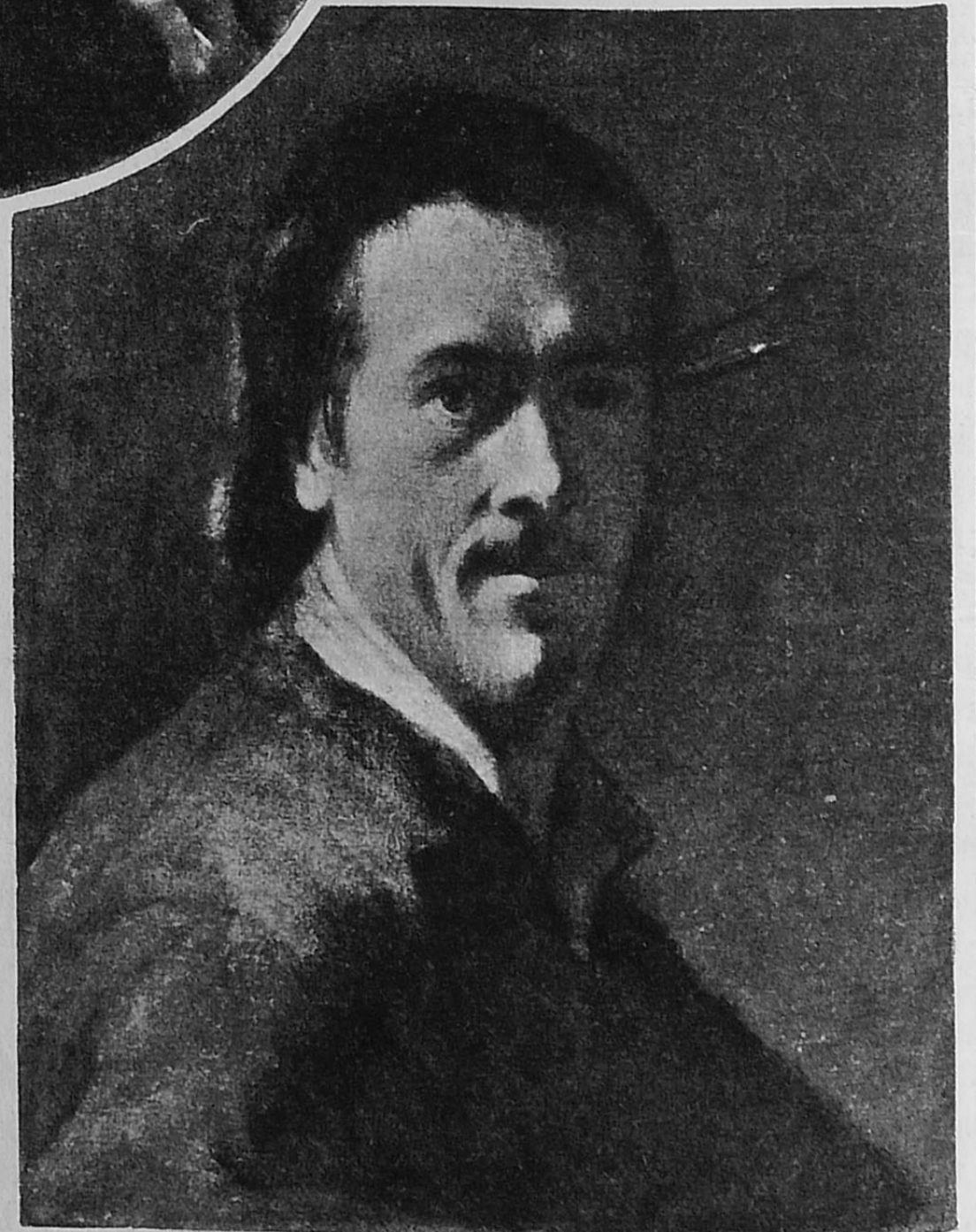
Орестъ Адамовичъ Кипренскій.



Съ автопортрета въ галлерей  
Уффици.



Автопортретъ (рис. 1828 г.).  
Собств. Е. Г. Шварцъ въ СПб.



Автопортретъ въ послѣдніе годы жизни.  
Собств. Е. Г. Шварцъ въ СПб.

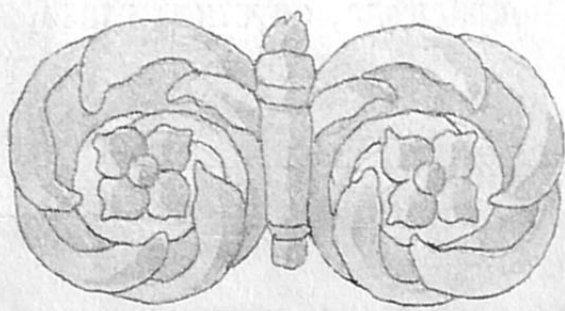




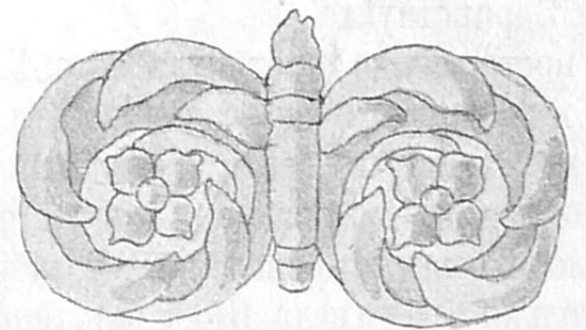
Женский портрет (1831 г.).  
Собств. Е. И. Тевяшова в СПб.



Кн. А. В. Шербатова (около 1808 г.).  
Собств. гр. А. П. Зубова в СПб.



Кн. Н. П. Трубецкой (около 1823 г.).



Собств. Кн. Н. С. Трубецкого в СПб.



Мужской портрет (1825—27 г.г.).  
Собств. Н. И. Смирнова в СПб.



Кн. С. С. Шербатова (рис. 1819 г.).  
Собств. А. М. Апраксиной в «Ольговъ» Московской губ.



— Постой. Чуть не забылъ. Вот тебѣ письмо. Отъ отца?

Котя взглянулъ на адресъ:

— Да.

Онъ распечаталъ конвертъ; тамъ оказалась еще и маленькая записочка.

— И отъ Лены тоже.

И Котя, бѣгло просматривая оба листка, сказалъ:

— Отецъ поѣхалъ изъ Кіева въ Одессу. А Лена осталась въ имѣньѣ у тетки. Шлетъ всѣмъ привѣтъ.

— А еще?

— Пишетъ, что тетка съ ней нянчится, какъ ребенокъ съ куклой, но ей-то отъ этого не легче: нехватаетъ молодежи.

По лицу Володи пробѣжала тѣнь грусти, и съ искренней грустью онъ произнесъ:

— Бѣдная!

И пока Котя дочитывалъ коротенькое письмо, Володѣ хотѣлось еще что-то сказать ему, выразить какое-то смутное чувство, которое его сейчасъ охватило,—чувство, сродное міровой скорби, чувство безпомощности предъ роковымъ стеченіемъ обстоятельствъ, гдѣ горе и радость идутъ рядомъ и часто служатъ другъ другу то причиной, то слѣдствіемъ,—но все это было такъ сложно, что всякое слово, являясь одностороннимъ выраженіемъ одного изъ этихъ роковыхъ обстоятельствъ, показалось бы ему самому неискреннимъ. Онъ промолчалъ. И когда Котя, уходя, сказалъ: — Пойду писать имъ,—Володя вслѣдъ ему только произнесъ:

— Сердечный привѣтъ и отъ меня!

И пошелъ, задумчиво опустивъ голову, опять въ кабинетъ.

## XXI.

Въ это время Ольга Петровна уже поднялась почти беззвучными шагами на террасу. Посмотрѣла сначала чрезъ закрытую дверь въ гостиную, увидала Володю, отворила и вошла съ открытымъ, свѣтлымъ выраженіемъ лица, радостная и спокойная.

Володя быстро повернулся къ ней навстрѣчу:

— Здравствуйте!

И восторженно протянулъ ей обѣ руки. Но ему пришлось позвать ими только одну ея правую: въ лѣвой у нея была итальянская книжка. Зато взглядъ Ольги Петровны, не оставляя сомнѣній, говорилъ, что она рада видѣть его не меньше, чѣмъ онъ ее.

Володя быстро провелъ ее въ кабинетъ, усадилъ на то мѣсто, гдѣ только-что сидѣла Нина Михайловна, и, точно великое дѣло сдѣлалъ, съ чувствомъ удовольствія произнесъ:

— Ну, вотъ!—И самъ улыбнулся.

Ольга Петровна, слегка постукивая книжкой по своей колѣнкѣ, съ ясной улыбкой смотря Володѣ въ глаза, втоя его тону, сказала тоже:

— Ну, вотъ...

Володя помолчалъ. Потомъ, съ нервной дрожью въ голосѣ, началъ:

— Я слышалъ, что вы послѣзавтра уѣзжаете?

Она, спокойно улыбаясь, отвѣтила:

— Даже завтра. Мои „хозяева“ собрались.

— Такъ что у насъ сегодня послѣдній урокъ?.. А я не могу сегодня заниматься: не спалъ почти всю ночь.

— Чтò такое? Вы больны? — съ живымъ участіемъ спросила Ольга Петровна.

— Нѣтъ, думы мѣшали.

Она посмотрѣла на него глубокимъ, почти нѣжнымъ взглядомъ, но ничего не сказала.

А онъ—очень серьезнымъ тономъ—добавилъ:

— Большой жизненный вопросъ рѣшалъ.

Лицо Ольги Петровны тоже стало серьезнымъ, но такимъ же участливымъ, добрымъ. Взглядъ ея былъ такъ же ласковъ, она такъ же, не спуская глазъ, смотрѣла въ глаза Володи и тихо сказала:

— Такъ-что, стало-быть, наши уроки кончены?

Володя взволнованнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Да. Намъ остается только подвести итогъ и рассчитать.

По лицу Ольги Петровны пробѣжала легкая тѣнь.

Онъ сказалъ:

— Вы никакъ не хотѣли опредѣлить плату за уроки съ самаго начала, ну, вотъ теперь я и не знаю...

И замолчалъ въ ожиданіи.

Ольга Петровна нервно отвѣтила:

— Ахъ, да все равно! Назначьте сами.

Онъ ей:

— Я боюсь ошибиться въ расчетѣ.

А она:

— Я не корыстолюбива!.. И притомъ эти уроки, правда же, были для меня такъ легки и пріятны...

Володя оживился и настойчиво спросилъ:

— Но согласитесь, вѣдь я *работалъ* въ это время?

Она слегка покраснѣла:

— О, да, вы сдѣлали большіе успѣхи.

— Вотъ видите! Я былъ прилеженъ, да?

— Да.

— И вотъ сегодня я зналъ „бессонную ночь тревогъ и волненій“.

Ольга Петровна какъ-то растерянно посмотрѣла на него.

А Володя нервно, прерывисто произнесъ:

— И все... изъ-за... уроковъ...

Она смутилась еще больше. Наступило молчаніе.

Тогда Володя быстро и рѣшительно сказалъ:

— Ольга Петровна, я люблю васъ.

Она поблѣднѣла, выраженіе лица ея стало почти суровымъ. Она сдѣлала движеніе, готовясь встать,—но осталась на мѣстѣ и смотрѣла на него съ недоумѣніемъ, точно не зная, какъ принять его слова.

А онъ, уже преодолевъ первое смущеніе, продолжалъ теперь страстнымъ, сердечнымъ тономъ:

— Я не шучу, Ольга Петровна, я не играю. Начиная съ перваго урока, который вы дали мнѣ подъ лиственницей на круглой скамейкѣ, я сталъ вашимъ неоплатнымъ должникомъ. И у меня нѣтъ достаточныхъ средствъ, чтобы рассчитаться съ вами иначе, какъ сказать вамъ: я люблю васъ! И если вы хотите быть моей женой—я буду счастливъ.

Ольга Петровна теперь покраснѣла, опустила глаза, и молча сидѣла въ раздумьѣ.

А Володя говорилъ:

— Non mi rispondi?

И она тихо, точно про себя, отвѣтила:

— Это такъ неожиданно...

Потомъ, опять поднявъ на него глаза, взглянула ему въ лицо широкимъ, открытымъ взглядомъ, и съ робкой улыбкой произнесла:

— Я не привыкла смущаться, а вотъ, вы видите, я смущена... Правда, это для меня неожиданно... Я совсѣмъ не подготовлена къ отвѣту...

— Тѣмъ лучше, тѣмъ вѣрнѣе будетъ вашъ отвѣтъ, — быстро подхватилъ Володя.

Она помолчала; потомъ, пристально смотря на него, сказала съ оттѣнкомъ сомнѣнія:

— Вы думаете?.. *Тотъ* отвѣтъ, который вамъ нуженъ?

Володя вдругъ опять смутился:

— Да... я думаю... я хотѣлъ бы...

Потомъ снова смѣло сказалъ:

— Вы говорите, что это для васъ неожиданно. Ну, а для меня это былъ почти рѣшенный вопросъ уже послѣ первыхъ же нашихъ уроковъ. И къ сегодняшнему дню итога и расчета я все это серьезно обдумалъ. Но скажите: если я не далъ вамъ ни одного изъ тѣхъ „поводовъ“, какіе, можетъ-быть, вы могли ожидать встрѣтить отъ „золотого теленка“, такъ развѣ всѣми нашими разговорами, Ольга Петровна, развѣ всѣмъ моимъ отношеніемъ къ вамъ я не показалъ вамъ ясно, какъ хочу я заслужить вашу любовь? Развѣ я не постарался доказать вамъ, что я не золотой теленокъ? Что мое золото и я—это не одно и то же? Развѣ я не постарался показать вамъ, что я хочу быть достойнымъ того идеала, который вы можете предъявить человѣку, ищущему „вашей любви, вашей молодости, вашихъ поцѣлуевъ“? Скажите, вы не думали объ этомъ?—искренно скажите!..

Ольга Петровна, опустивъ глаза, помолчала и твердо отвѣтила:

— Да, думала.

Володя радостно воскликнулъ:

— Ну, такъ поставьте мнѣ отмѣтку по вопросу: „*Работалъ* ли я?“ Но *lavorato?*..

Ольга Петровна, все такъ же съ опущенными глазами, отвѣтила:



— Да...

И онъ, уже веселый, готовый шутить, немного декламационнымъ тономъ произнесъ:

— „Я приговоръ твой жду, я жду рѣшенья...“

Она молчала.

Онъ, снова смущенный и грустный, сказалъ:

— Итакъ, вы не любите меня?.. *Dunque tu non m'ami?*

Но теперь она подняла на него взглядъ, спокойный, нѣжный и рѣшительный:

— Нѣтъ, Владиміръ Ильичъ, я люблю васъ... Да!

— Да?

Володя быстро схватилъ ея руки, сталъ ихъ цѣловать.

Она не отнимала ихъ, но тихо произнесла:

— Пойдите... дайте мнѣ сказать вамъ...

Онъ покорно опустилъ ея руки, сѣлъ на мѣсто и слушалъ.

Она спокойно, съ открытымъ взглядомъ, говорила:

— Видите ли что, Владиміръ Ильичъ: если вы совсѣмъ не тотъ золотой теленокъ, о которомъ говорится въ стихотвореніи Ады Негри, если и мой идеалъ не совсѣмъ тотъ, о которомъ говорить та дѣвушка, если мы съ вами по духу несравненно ближе, чѣмъ тѣ... то все же разстояніе еще такъ велико, что перейти его мнѣ кажется невозможнымъ въ одинъ мѣсяць знакомства... хотя бы и такого, какое было между нами. Мы слишкомъ далеки другъ отъ друга и по положенію, и по воспитанію, и по тѣмъ задачамъ, къ которымъ каждый изъ насъ готовился въ жизни. Я получила спартанское воспитаніе, вы, повидимому — афинское. Я не причисляю себя ни къ циникамъ ни къ стоикамъ. Думаю, что и вы не чистый эпикуреецъ. Да вѣдь? И вообще ни тотъ ни другой — мы не послѣдователи какого-либо ученія, мы живые люди сами по себѣ. Я люблю жизнь, люблю красоту жизни, хочу ея... Но я люблю свою свободу, и, можетъ-быть, понятія о красотѣ жизни и о свободѣ у насъ съ вами не всегда будутъ одинаковыми...

Володя прервалъ ее:

— Развѣ вы не видѣли, что я окруженъ всѣмъ тѣмъ, что называется красотой жизни, но нашелъ я ее только въ васъ? Развѣ это не доказываетъ, что наши понятія о красотѣ, о свободѣ совпадаютъ?

Она въ раздумьѣ отвѣтила:

— Можетъ-быть... въ известной степени... а можетъ-быть, и разойдутся.

— Зачѣмъ говорить о томъ, что можетъ быть, когда надо брать то, что есть! Ольга Петровна, я люблю васъ...

И онъ опять тихо взялъ ея руку и сталъ осторожно и нѣжно цѣловать ее:

— Я вижу, вы принимаете мою любовь. Я вижу... вы сказали, что думали объ этомъ. Развѣ этого недостаточно?.. Вѣдь я же не сдѣлалъ попытки увлечь васъ какимъ-нибудь недостойнымъ образомъ? Я думаю, что серьезность и сила моей любви доказываются тѣмъ, что я прямо дѣлаю вамъ это предложеніе...

Она открыто и любовно посмотрѣла ему въ глаза и безъ колебанія отвѣтила:

— Вотъ именно къ *этому-то* я и не подготовлена. Я, можетъ-быть, скорѣй откликнулась бы просто на любовь... не связывая себя бракомъ.

Володя съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее:

— Какъ, что вы говорите!

Она улыбнулась:

— Вотъ видите, васъ ужъ это удивило. Вамъ эта черта въ моемъ возрѣніи нова, можетъ-быть, антипатична...

— Нѣтъ, нѣтъ!..

— Но обыкновенно это не такъ.

— Развѣ нашъ бракъ мѣшаетъ любви?

— Нѣтъ, не мѣшаетъ; но любовь, это — чувство, бракъ, это — условія жизни.

— Стало-быть, вы противъ брака?

— Я не сказала этого. Я только хочу сказать, что для нашего брака еще мало данныхъ.

Володя съ вызывающей, но ласковой улыбкой спросилъ:

— А для любви?

Она съ покоряющей улыбкой отвѣтила:

— Достаточно.

Володя, растерянный, смущенный, говорилъ:

— Я, право, не понимаю, чего же вы хотите! Неужели вамъ было бы милѣе, если бы я оказался однимъ изъ тѣхъ проповѣдниковъ свободной любви, которые грубо пользуются слабостью дѣвушки... такъ сказать, грубо схватываютъ ее... мнутъ и потомъ выбрасываютъ, какъ измятый цвѣтокъ? Вѣдь эти новѣйшіе „идеалисты“, или правильнѣе назвать ихъ — „идеисты“, скажите, чѣмъ же они отличаются отъ того золотого теленка, которому вы, конечно, никогда не сочувствовали?

— Нѣтъ, это все не то, Владиміръ Ильичъ. Метафора объ измятомъ и брошенномъ цвѣткѣ сюда не подходитъ. Такія дѣвушки, какъ я — мы не олицетвореніе цвѣтка, мы возвращены не въ теплицахъ. Мы съ дѣтства знаемъ обратную сторону жизни, и, повѣрьте, что ту грязную литературу, о вредѣ которой теперь много говорятъ, очень многія изъ насъ читаютъ совсѣмъ не для того, чтобы грязнить свое воображеніе. Я все читала. И часто мнѣ было нужно сдѣлать надъ собой насиліе, чтобы преодолѣть отвращеніе, прочесть ту или иную страницу. Это не тотъ сладкій ядъ, къ которому возвращаются опять и опять, это — горькое лѣкарство, которое примешь разъ и къ которому не вернешься... Да, цвѣты рвутъ и мнутъ, пользуются ихъ ароматомъ, ихъ красотой, пока они свѣжи, потомъ ихъ выбрасываютъ въ помойную яму. Но человекъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова нельзя измять. Свободный человекъ долженъ самъ отвѣчать за свои свободные поступки. Дѣвушка никогда не должна обвинять мужчину въ томъ, что онъ ее чѣмъ-то соблазнилъ. Пора оставить это. Съ того момента, какъ дѣвушки перестанутъ возлагать отвѣтственность за свое паденіе на мужчину, онѣ не будутъ больше ни падать ни страдать, ихъ не будутъ ни мять ни выбрасывать, онѣ не будутъ поддаваться обману... Бракъ съ разводомъ, бракъ безъ развода, бракъ гражданскій, свободная любовь — все это только условности, а счастье зависитъ только отъ чувства и разума. Я сказала вамъ, что люблю васъ, — надо было сказать, что *могу* полюбить. Надо было сказать, что то чувство, которое у меня въ душѣ къ вамъ, — это вѣдь только маленькая почка, которая можетъ распуститься въ огромный красивый цвѣтокъ. И я не хочу, чтобы въ этомъ чувствѣ была хотя бы даже тѣнь сомнѣнія, что я пошла на приманку стать законной женой миллионера. Право же, мнѣ это совсѣмъ, совсѣмъ не нужно...

Володя сталъ передъ нею въ такой позѣ, какъ-будто готовъ былъ броситься на нее, и страстнымъ тономъ заговорилъ:

— Но я-то вѣдь люблю васъ, Ольга Петровна!.. Безъ брака, въ бракѣ, какъ хотите, — я беззавѣтно люблю васъ. Я хочу, чтобы эта милая головка была моею, чтобы ея мысли были моими...

Онъ наклонился и сталъ цѣловать ее въ лобъ, сталъ цѣловать ея волосы.

Она не отстраняла его.

А онъ, смущенный, говорилъ:

— Вотъ видите, я цѣлую васъ, я чувствую, что вы любите меня, а я все еще не смѣю назвать васъ Олей, я не смѣю сказать вамъ *ты!* — это я-то, Володя Китаевъ!.. Какого доказательства любви вамъ надобно еще?

Она встала, посмотрѣла ему въ глаза долгимъ, любовнымъ взглядомъ. Рѣшилась, сама обняла его и крѣпко поцѣловала. И потомъ они еще нѣсколько мгновений смотрѣли молча другъ другу въ лицо.

Володя сказалъ:

— Ну, такъ что же?

Она съ такой же улыбкой отвѣтила:

— Такъ что же?

Онъ ей:

— Мы женихъ и невѣста?

А она:

— Мы любящіе...

— Ты принимаешь мое предложеніе?

— Приму...

— Когда?

— Черезъ годъ.

— Если я окажусь достойнымъ?.. Годъ испытанія?..

— Если въ этотъ годъ наша любовь окрѣпнетъ, и ты найдешь нужнымъ повторить это предложеніе.

Володя опять крѣпко обнялъ ее и горячо произнесъ:





О. Кипренскій. Г-жа Авдулина (1823 г.). Собств. И. М. Терещенко въ Кіевѣ.



— Черезъ годъ, черезъ минуту, черезъ вѣчность—когда хочешь—я принадлежу тебѣ!.. Оля!.. наконецъ моя! моя Оля!..

И онъ уже молча любовался ею, счастливый, восторженный. Потомъ патетически заговорилъ:

— Но если въ тебѣ въ самомъ дѣлѣ уже есть эта маленькая почка любви, Оля,—дай мнѣ согрѣть ее солнцемъ моей любви, чтобы она распускалась скорѣй. Дай мнѣ холить ее заботливымъ уходомъ. Я не хочу, чтобы она была въ тѣни. Я хочу, чтобы эта любовь была открытой... чтобы никто не смѣлъ подходить больше ко мнѣ съ мыслью завладѣть моимъ сердцемъ.

Она, довѣрчиво улыбувшись, шутя спросила:

— Ты боишься этого?

— Нѣтъ, нѣтъ, Оля,—я просто не хочу видѣть никого около этого дорогого цвѣтка. Никакихъ мухъ... ни мухъ ни жуковъ! Я хочу какъ можно скорѣй начать нашу новую жизнь рука объ руку. Я буду уговаривать тебя... просить тебя—не откладывать нашей свадьбы... Пстой, я позову маму.

— Володя, погоди! Зачѣмъ?

— Зачѣмъ, Оля, что я не хочу больше ждать. Я счастливъ, я люблю мою мать, и я хочу съ ней подѣлиться этимъ счастьемъ.

И, быстро поцѣловавъ ея руку, онъ пошелъ черезъ гостиную въ столовую.

Ольга Петровна еще вслѣдъ ему говорила:

— Володя!.. пстой!..

## XXII.

Но онъ уже былъ за порогомъ, и она осталась одна, устремивъ предъ собой задумчивый взглядъ, въ которомъ были и любовь, и радость, и глубокое, серьезное раздумье. И съ выраженіемъ этого состоянія ея души—спокойнымъ, свѣтлымъ взглядомъ—встрѣтила она вышедшую къ ней теперь вмѣстѣ съ Володей Нину Михайловну.

Ольга Петровна сейчасъ же сама пошла ей навстрѣчу.

А Нина Михайловна, протягивая ей руку, ласково сказала:

— Дорогая моя, здравствуйте.

И впервые, какъ-то машинально, потянувшись къ ней, чтобы поцѣловать ее.

И какъ-то безотчетно, точно неумѣло, отвѣтила на этотъ поцѣлуй и Ольга Петровна.

Нина Михайловна начала:

— Володя сказалъ мнѣ, что онъ любитъ васъ, что сдѣлалъ вамъ предложеніе... а вы не хотите принять его. Чтѣ? почему? Скажите... Сядемте.

Ольга Петровна, садясь въ кресло противъ Нины Михайловны, бросила ласково-укоряющій взглядъ на Володю и отвѣтила:

— Ему не надо было и говорить вамъ этого...

А онъ, вставъ за спинку кресла, на которое сѣла мать, весело говорилъ:

— Какъ могъ я не сказать, когда, за нѣсколько минутъ до вашего прихода, я у мамы просилъ благословенія на этотъ рѣшительный шагъ въ моей жизни. Какъ же могъ я не позвать мою маму на помощь...—Оставаясь стоять позади кресла, онъ обнялъ голову матери и, цѣлуя ее, продолжалъ:—Маму мою,—хорошую маму, которую я люблю, которая меня любитъ...—Съ кокетливымъ лукавствомъ, смыслъ котораго могъ быть понятенъ въ эту минуту только Нинѣ Михайловнѣ, Володя добавилъ:—Маму, которой я дѣлаю всякія уступки, которая мнѣ дѣлаетъ всякія уступки, которая должна и васъ полюбить такъ же, какъ меня, но которая,—Володя многозначительно поднявъ вверхъ палецъ:—не должна вотъ сейчасъ сдѣлать никакой уступки вамъ. А вы—уступите.

И съ этими словами Володя перешелъ къ креслу, гдѣ сидѣла Ольга Петровна, всталъ также позади его спинки и нѣжно погладилъ Ольгу Петровну по головѣ:

— Будьте пайнкой.

Нина Михайловна, ласково смотря на нихъ, весело спросила:

— Да вы объясните мнѣ,—въ чемъ дѣло?

Володя капризно-грустнымъ тономъ сказалъ:

— Да я же говорю тебѣ: она хочетъ оглозить свадьбу на годъ.

И съ усмѣшкой добавилъ:

— Ну, подумай, мама, чтѣ это будетъ: я буду томиться цѣлый годъ, ты будешь томиться цѣлый годъ,—а зачѣмъ?

Нина Михайловна поняла его намекъ, на мгновенье опустила взглядъ какъ бы въ раздумье и потомъ, ласково взглянувъ на Ольгу Петровну, сказала:

— Да, зачѣмъ? Я не понимаю.

Та сердечно отвѣтила:

— Чтобъ убѣдиться, что Владиміръ Ильичъ не раздумаетъ черезъ годъ. Я хотѣла, чтобы мы ближе узнали другъ друга, не здѣсь, не въ дачной обстановкѣ, а и тамъ, въ Петербургѣ.

Нина Михайловна одобрительно кивнула головой:

— Да, пожалуй. Въ самомъ дѣлѣ, отчего бы и не такъ?..

Володя соглашался:

— Ну, хорошо, отчего же и не такъ,—но годъ... цѣлый годъ!.. подумай, мама!.. Ну, ты по себѣ посуди: неужели нуженъ цѣлый годъ, чтобы убѣдиться въ любви любящаго тебя человѣка?

Нина Михайловна, немного подумавъ, съ улыбкой сказала:

— Да... годъ—это... Ну, постарайтесь ближе узнать другъ друга раньше. Постарайтесь ускорить.

Володя, наклонившись надъ головой Ольги Петровны, любовно и немного шутливо произнесъ:

— Ускоримте...

Она, въ свою очередь, подняла къ нему голову и, такъ же любовно смотря на него снизу вверхъ, сказала:

— Какъ мало у васъ выдержки!.. Какъ вы избалованы!

Володя продолжалъ радостно соглашаться:

— Ну да, ну да! Избалованъ всеми. Но побалуйте меня еще и вы. Въ послѣдній разъ... въ послѣдній разъ въ моей мальчишеской жизни. Клянусь вамъ остепениться и—быть послушнымъ мужемъ.

И онъ весело поднялъ ея руку къ своимъ губамъ и, не выпуская, цѣловалъ. А Ольга Петровна, чтобы было удобнѣе смотрѣть ему прямо въ глаза, теперь встала и тономъ нѣжной, робкой просьбы сказала ему:

— Неужели вамъ не дорога моя духовная свобода?.. Зачѣмъ же вы хотите заставить меня измѣнить самой себѣ такъ скоро?

Володя, какъ покоренный, опустилъ руки, съ восхищеніемъ посмотрѣлъ на Ольгу Петровну и, слегка покачавъ головой и, точно обрадованный неожиданнымъ новымъ открытіемъ, восторженно произнесъ:

— Вы правы! Вы правы!.. Милая, славная!..

И, быстро бросивъ ласковый взглядъ на мать, потомъ на невесту, онъ протянулъ къ Ольгѣ Петровнѣ руки и, вторя ея тону нѣжной, робкой просьбы, сказалъ:

— Оля!.. Вѣдь тутъ вотъ мама... теперь уже наша мама.—Позволь же мнѣ хоть это: поцѣловать тебя при ней!

И, встрѣтивъ, вмѣсто отвѣта, ея ясный взглядъ, онъ, уже не дожидаясь словъ, крѣпко прижалъ ее къ груди. Ольга Петровна не сопротивилась ни объятіямъ ни поцѣлуу. А Нина Михайловна, поддаваясь ихъ свѣтлому, любовному настроенію, тоже поднялась съ кресла, готовая сейчасъ расцѣловать и сына и будущую невестку.

Но въ эту минуту съ террасы въ гостиную уже входилъ никѣмъ неожиданный полковникъ Ивановъ.

Онъ только-что узналъ отъ Молодцыгина, что Китаевы, вѣроятно, согласятся взять у него за умѣренные проценты три тысячи, и, радостный, не зная еще причины, почему явилось это согласіе, спѣшилъ теперь провѣрить его лично. Увидавъ цѣлующихся Володю и Ольгу Петровну, онъ сначала въ недоумѣніи опѣшилъ. Но отступать было поздно: его тоже замѣтили. И, видя, что этимъ никто особенно не смутился, онъ уже смѣлѣе и съ двусмысленной улыбкой сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ; но, прежде чѣмъ онъ нашелся что сказать, Нина Михайловна вывела его изъ затрудненія:

— Поздравьте жениха и невесту...

Ивановъ окончательно растерялся, сначала было-нахмурился, потомъ вдругъ оживился и сталъ по очереди пожимать всемъ руки:

— Поздравляю!.. Поздравляю!..

Ему сухо-вѣжливо отвѣчали:

— Благодаримъ васъ.

А за спиной у полковника оказался только-что подошедшій, также незамѣченнымъ, Иванъ Федоровичъ; хотя уже смутно до-



гадиваясь, но еще не зная, что тут произошло, он съ шутилымъ недоумѣніемъ смотрѣлъ на всѣхъ и спрашивалъ:

— Кого? Съ чѣмъ?

Володя взялъ Ольгу Петровну за руку и, становясь съ ней предъ Молодцыгинымъ, ласково сказалъ ему:

— Вася, голубушка моя, Иванъ Федоровичъ, съ будущей молодой хозяйкой, а меня...

Онъ не успѣлъ договорить, потому что у Молодцыгина, теперь уже все понявшаго, сразу навернулись на глазахъ слезы, и онъ, отъ волненія закрывъ лицо рукой, хотѣлъ-было отвернуться. Но Володя поспѣшилъ обнять его и крѣпко расцѣловалъ. А когда протянула ему съ ласковой улыбкой руку Ольга Петровна, Иванъ Федоровичъ крѣпко-крѣпко прижалъ эту маленькую ручку къ своимъ губамъ и сказалъ при этомъ:

— Теперь я имѣю на это право.

Отнявъ ее затѣмъ отъ губъ, но все еще не выпуская ее, онъ долго смотрѣлъ въ глаза Ольгѣ Петровнѣ взглядомъ восхищенія и преданности. Наконецъ, приложивъ ладонь къ груди, шутиливо-торжественно произнесъ:

— Вотъ эту самую грудь „подъ пушки всѣхъ царей земныхъ“ за васъ подставлю!

И, на мгновеніе повернувъ эту же руку ладонью впередъ, онъ какъ бы изобразилъ, какъ она будетъ служить щитомъ.

Ольга Петровна, не задумываясь, съ милой улыбкой обняла и сердечно поцѣловала его. А за ней, для поддержанія своего „престижа“, поцѣловала Ивана Федоровича и Нина Михайловна.

Володя въ это время говорилъ Иванову:

— Ну, вотъ, полковникъ, вы хотѣли завтра ѣхать—мы васъ не отпустимъ...

Ивановъ снисходительно отвѣтилъ:

— Что дѣлать! Что дѣлать!.. Такой случай...

— Задержимъ васъ и по вашему дѣлу...

Ивановъ, уже придавая себѣ значительный видъ, поспѣшилъ заявить:

— Да, да. Мнѣ Иванъ Федоровичъ уже говорилъ...—И съ усмѣшкой полковникъ прибавилъ: — Что же-съ, невѣстѣ на подарочки понадобилось?

— Вы изумительно проникательны! — съязвилъ Володя.

Ивановъ снова очень серьезно и дѣловито сказалъ:

— Могу... Могу васъ выручить...

И уже совсѣмъ торжественно и таинственно, съ отяжкой, произнесъ:

— А какіе проценты?

Володя чуть не расхохотался:

— Ахъ, да не все ли мнѣ теперь равно!.. Поговорите объ этомъ съ Иваномъ Федоровичемъ.

И онъ, смѣясь, отвернулся отъ полковника къ Молодцыгину. А Иванъ Федоровичъ, дѣлая въ это время шагъ къ Володѣ, на мгновеніе приласкалъ-было его своимъ любящимъ взглядомъ, но и сейчасъ же остановился и, на виду у него, поднялъ глаза и руки къ небу и виновато произнесъ:

— Илья Максимовичъ!.. Я тутъ окаянный ей-Богу, ни при чемъ!

К О Н Е Ц Ъ.

## Три дня внѣ жизни.

Фантазія А. В. Стернь.

Послѣдніе дни передъ смертью физическія страданія его были страшны. Отцы инквизиторы не могли бы выдумать болѣе ужасныхъ мукъ.

Но эти тѣлесныя страданія однако не могли заглушить нравственныхъ. Онъ зналъ, что умираетъ и оставляетъ любящую, преданную ему жену, жену-апостола его идей. Какое ужасное, потрясающее горе причинить ей его смерть! Какъ переживетъ она эту муку разставанія навѣкъ съ любимымъ человѣкомъ?

И во время своихъ безумныхъ мукъ онъ думалъ о ней и бралъ ея руки и цѣловалъ ихъ, какъ бы прося прощенія, и старался улыбнуться ей посинѣвшими устами.

Наконецъ мученія его превысили всякую мѣру, и онъ впалъ въ безпамятство, но и въ безпамятствѣ продолжалъ метаться, стонать, выть... Но доктора говорили, что началась уже агонія, и онъ ничего не чувствуетъ,—надо было вѣрить имъ...

... И вдругъ настала тишина... Прекратились стоны...

Онъ очнулся пораженный.

Боль исчезла. Онъ чувствовалъ какую-то необычайную легкость, точно освобожденіе отъ путъ, и странное просвѣтлѣніе, будто прямо отъ темной ночи насталъ яркій солнечный день.

Онъ оглянулся.

По той суетѣ, что происходила вокругъ, онъ понялъ, что умеръ. Онъ ясно видѣлъ свое тѣло, большія, желтыя руки съ синими ногтями, закинутую на подушкѣ голову съ прилипшими къ вискамъ волосами; онъ видѣлъ свое лицо съ заострившимся носомъ, съ полузакрытыми глазами, съ страдальческимъ выраженіемъ губъ.

Да, это было его лицо, хотя онъ съ трудомъ узнавалъ себя. Ему даже нѣсколько были противны эти мертвенныя черты и это вытянувшееся тѣло... Съ какой бы радостью онъ оторвался отъ нихъ совсѣмъ. Но какія-то еще невидимыя нити привязывали его освободившееся существо къ этому трупу и ко всей этой, знакомой при жизни, обстановкѣ, къ этому дому.

Онъ не зналъ, гдѣ онъ находится—внѣ дома или внутри его, но онъ все видѣлъ, все чувствовалъ, какъ живой, всѣми фибрами существа своего, все понималъ.

Онъ видѣлъ, какъ теща нѣжно обняла его жену и отвела отъ его трупа:

— Ахъ, Мари, ты должна благодарить Бога, что прекратились его страданія.

Теща всегда имѣла обыкновение говорить неприятности.

— Не говори, не говори этого! — воскликнула жена.

Бѣдная Маша, какъ одинока она, какъ беспомощна, какъ горько должна чувствовать его отсутствіе.

И онъ хотѣлъ ей крикнуть:

— Маша, я здѣсь, съ тобою.—но голоса не было.

И она, подчиняясь матери, вышла изъ комнаты, предоставивъ чужимъ женщинамъ обмыть и одѣть его трупъ.

И онъ, какъ живой, почувствовалъ обиду. И вотъ пришли какія-то чужія женщины, только одну изъ нихъ онъ узналъ—Аннушку, жену швейцара,—совлекли его трупъ съ ложа смерти на полъ, ради униженія, вѣроятно,—и стали обмывать. И, какъ живой, онъ

чувствовалъ стыдъ своей неприглядной наготы, особенно передъ Аннушкой, которую зналъ.

Когда трупъ его почти уже одѣли, вошелъ братъ его Андрей, съ которымъ они разошлись въ послѣдніе годы и давно не видались. Братъ постоялъ надъ трупомъ, не прикасаясь къ нему, и сталъ распорядиться, какъ власть имѣющій въ этомъ домѣ.

И, какъ живому, это было ему и неприятно и обидно.

И вошли какіе-то люди, заморозили трупъ и, распорядясь, какъ вещь, понесли его въ большую гостиную, изъ которой почти вся мебель была вынесена, и торжественно положили на высокое ложе, покрыли кружевнымъ покрываломъ, окружили свѣчами.

Униженіе кончилось, начиналось торжество.

Вотъ и жена...

И она торжественна. Блѣдна, печальна, но безъ слезъ. Быть-можетъ, и она рада, что кончились его страданія?.. Туалетъ уже иной—она вся въ черномъ. Братъ бросается къ ней и, поддерживая, какъ-будто въ великой своей скорби она одна не можетъ и двинуться, ведетъ ее къ тѣлу. Она грустно-благодарно киваетъ ему, принимая его услугу.

Такъ она примирилась съ братомъ? Или, быть-можетъ, и при жизни его она дѣлала только видъ, что сочувствуетъ ему, а до розни братьевъ ей не было дѣла?

Что жъ—пусть будетъ такъ.

Она кланяется въ землю, потомъ откидываетъ покрывало и долго смотритъ въ мертвое лицо.

— Я здѣсь!—хочетъ онъ крикнуть.—Неужели ты уже примирилась со смертью? Зови меня—и я воскресну!

Но она съ содроганіемъ прикасается къ холодному лбу и опускаетъ покрывало.

Входитъ и теща, тоже вся въ черномъ, но та въ слезахъ. Ахъ, какъ плачетъ она, какъ потрясаетъ головою, точно укоряя усопшаго, что оставилъ ихъ слишкомъ рано.

И тутъ, въ этой комнатѣ, происходитъ у нихъ—у жены, тещи и брата—совѣщаніе: приводить ли дѣтей теперь же, вечеромъ, къ тѣлу отца? Не поразитъ ли ихъ слишкомъ эта обстановка на сонъ грядущій? Пожалуй, помѣшаетъ сну?

Рѣшено привести сейчасъ же, до торжественной первой панихиды, какъ-будто надо скорѣе покончить съ этой неприятной официальностью.

Дѣтей у него трое: дочь Нина—тринадцати лѣтъ, уже почти взрослая, сложившаяся дѣвушка; сынъ Юрій—11 лѣтъ и 6-лѣтній мальчикъ Миша.

Нина и Миша—любимцы матери, да и его тоже. Эти двое—легкія дѣти, характеры у нихъ равные, веселые, податливые. Съ ними никакихъ сюрпризовъ, никакихъ недоразумѣній. Зато Юра—мальчикъ трудный. То онъ веселъ черезъ мѣру, то угрюмъ, упрямъ, „норовистъ“,—какъ говоритъ про него прислуга.

Братъ Андрей идетъ за дѣтьми и вводитъ ихъ въ гостиную. Нина ведетъ себя, какъ слѣдуетъ благовоспитанной дочери, потерявшей отца. Она входитъ въ слезахъ, даже слегка вежливая, кладетъ земной поклонъ и прикладывается къ рукѣ усоп-



наго, потомъ бросается къ матери и долго плачетъ на ея груди. Мишу дядя беретъ на руки и подноситъ къ уснушему. Ребенокъ цѣлуетъ его и громко замѣчаетъ: — Развѣ папа долго будетъ спать? Дядя зажимаетъ ему ротъ рукой и скорѣй передаетъ гувернанткѣ. Юрій ведетъ себя безобразно. Онъ не хочетъ кланяться въ землю, не хочетъ подойти къ тѣлу.

Онъ весь трясется и упирается, какъ поровистая лошадь:

— Нѣтъ, нѣтъ. Не могу! не могу!..

И, нарушая тишину этой комнаты, онъ истерически кричитъ и убѣгаетъ.

И, какъ живому, сцена эта причиняетъ умершему страданія.

Въ тотъ же вечеръ въ 9 часовъ назначена первая панихида.

Къ панихидѣ съѣхалась масса значительной публики. Умершій былъ писателемъ, и писателемъ съ нѣкоторымъ вѣсомъ. Было дано знать о его кончинѣ въ редакціи газетъ и журналовъ, и представители изданій сочли долгомъ явиться къ первой же панихидѣ.

Еще до прихода духовенства брата Андрея окружили репортеры и интервьюеры съ своими записными книжками. „Какъ? Когда? Гдѣ? Почему?“ — сыпались вопросы, и братъ Андрей, хотя вотъ уже нѣсколько лѣтъ разстался съ писателемъ, не запинаясь давалъ свои показанія. Онъ, казалось, зналъ рѣшительно все и досконально. Но между этими журналистами, редакторами и издателями не было того главнаго короля-издателя, въ органѣ котораго работалъ покойный писатель. Теща напрасно искала его глазами, волновалась. Онъ явился только при самомъ концѣ панихиды. И сейчасъ же теща незамѣтно протискалась къ нему; она еще издали закивала ему головою, грустно мигая слезящими глазами.

— Не правда ли, какъ ужасна, какъ неожиданна эта смерть?! — прошептала она.

— Да, да. Я и не зналъ, что онъ боленъ, только вчера услышалъ.

Онъ смотрѣлъ на тещу, и по взгляду его она поняла, что онъ не узналъ ея. Она поспѣшила объяснить:

— Моя дочь такъ измучена его болѣзью... пять сутокъ невыносимыхъ страданій! Каково было ей! И потерять его въ этомъ возрастѣ! Вѣдь ему едва исполнилось сорокъ... Въ полной силѣ таланта, и какого таланта!

— Да, да, ужасная утрата, незамѣнимая для насъ.

По лицу тещи скользнулъ свѣтлый лучъ, она невольно улыбнулась, но поспѣшила согнать улыбку, такъ какъ клиръ пѣлъ: „со святыми упокой“, — надо было преклонить колѣни.

По окончаніи панихиды, теща однако не оставила издателя. Она приперла его къ стѣнѣ и, захлебываясь, говорила о неоконченномъ романѣ покойнаго:

— Вы читали первыя главы? Вѣдь это же великолѣпно! И это должно быть напечатано, не правда ли? Онъ мнѣ рассказывалъ весь планъ романа, — кажется, я сама бы могла написать. Нѣтъ, эти первыя главы должны, непременно должны быть напечатаны!

Потомъ она говорила о пьесѣ уже законченной, но не совсемъ еще отдѣланной:

— А полное изданіе сочиненій?.. Мы разсчитываемъ на васъ... Вы его цѣнили, и онъ вѣрилъ вамъ, о, какъ вѣрилъ! Онъ всегда говорилъ...

И она искательно смотрѣла на всеильнаго издателя и подговивала товаръ богатому покупателю, — товаръ мысли покойнаго, творческой силы его.

Онъ это слышалъ и видѣлъ, и всечувствующее существо его содрогалось.

Онъ видѣлъ, какъ жена, говоря съ кузиной о предсмертныхъ его мукахъ и утирая еще слезы, поглядывала въ сторону матери своей и издателя.

И она ждала богатыхъ и щедрыхъ милостей отъ этого всеильнаго человѣка.

Что же, пожалуй, и это въ порядкѣ вещей.

Когда все разошлось послѣ панихиды, онъ слышалъ, какъ мать рассказывала дочери свой разговоръ съ издателемъ:

— Вѣдь пьеса одна можетъ дать огромный доходъ, только бы умѣлыми руками ее отдѣлать. И я увѣрена, да и онъ тоже, что изданіе сочиненій *послѣ смерти* должно имѣть больше успѣха, чѣмъ при жизни. Какое счастье, что онъ ничего не издавалъ при жизни!

И Маша, его Маша слушала мать и не возмущалась.

А онъ?

Онъ испытывалъ то непріятное чувство, которое ему приходилось испытывать при жизни, когда послѣ долгой вечерней бесѣды въ дружественномъ домѣ, уходя послѣднимъ, онъ слышалъ, какъ прислуга, заперевъ дверь на ключъ, накидываетъ еще и крюкъ. Ему всегда казалось, что прислуга дѣлаетъ это съ особеннымъ удовольствіемъ. Все кончено, больше не вернешься, не войдешь, — крюкъ накинуть, наглухо заперть домъ.

И вотъ настала ночь. Первая ночь въ домѣ безъ хозяина. Затихла суэта. Погасло электричество. Только вокругъ гроба тускло мерцаютъ свѣчи, да кое-гдѣ по спальнямъ теплятся лампы. И взоромъ своимъ уснувшій забрелъ въ спальню жены и его собственной когда-то спальню.

Наплакавшись, утомившись за день, Маша спала, изрѣдка вздрагивая во снѣ. Спала и теща. Спалъ весь домъ, измученный предыдущими ночами его безумныхъ страданій.

Все спали, кромѣ одного маленькаго, безпокойнаго существа.

Юра ворочался въ своей постели. И вотъ среди ночи онъ поднялся въ длинной ночной рубахѣ, съ вклокоченными густыми волосами надъ большими, темными, блестящими глазами. И прислушиваясь и оглядываясь на спящихъ, онъ неслышно, босыми ногами, крадучись по стѣнкѣ, прошелъ въ гостиную.

Монахиня мѣрно, съ разстановками, читала псалтирь. Свѣчи потрескивали, огонь ихъ тихо колебался, и кружево на груди покойника точно шевелилось.

Мальчикъ, дрожа и прижимая руки къ груди, глядѣлъ на это вытанувшее на высококомъ ложѣ тѣло.

Отецъ! Неужели это его отецъ? Это таинственное, чудесное существо, нѣкоторыя изъ твореній котораго онъ уже зналъ и любилъ? Существо, которое читалъ, боготворилъ, но какъ-то издали, не смѣя никогда выказать ему свою любовь. Онъ по ночамъ иногда цѣловалъ подушку и плакалъ отъ любви, но никогда не умѣлъ и не могъ выказать ее отцу. И вотъ тотъ, кто внушалъ ему это скрытное и тѣмъ болѣе сильное чувство, умеръ, говорятъ; лежитъ, ничего не видя и не слыша, и никогда-никогда не узнаетъ о его любви!

Возможно ли это? Нѣтъ, нѣтъ, онъ не можетъ этому повѣрить.

И мальчикъ громко произнесъ:

— Папа!.. папа!..

Монахиня прервала чтеніе и неодобрительно покачала головою.

А тотъ, кого звали, рванулся къ сыну, — вѣдь это былъ единственный призывъ его къ жизни, и какой призывъ!

— Я виноватъ передъ тобою, дитя мое! — хотѣлъ онъ воскликнуть, но голоса не было, не было и слезъ, а такъ сладко было бы заплакать въ этотъ мигъ.

Никто не слышалъ и не видѣлъ, какъ вышелъ мальчикъ изъ дѣтской и какъ возвратился. Никто не слышалъ. Никто не слышалъ, какъ онъ, зарывшись въ подушки, сдерживая всхлипыванія и надрывая дѣтскую грудь, рыдалъ.

Только бывшій хозяинъ этого дома видѣлъ и слышалъ все.

Но приласкать, утѣшить онъ уже не могъ.

И, какъ живому, это было больно, больно!

Онъ искалъ славы, при жизни думалъ, что онъ достоинъ ея, считалъ себя крупнымъ талантомъ, психологомъ по преимуществу, — а собственнаго сына разгадать не могъ!

Наутро домъ поднялся рано. Теща распорядилась, чтобы кофе подали въ маленькой проходной, изъ которой не слышно было чтенія монахини: туда пришли и Маша и дѣти съ гувернанткой. Нѣжно прижала къ себѣ молодая вдова старшую дочь и маленькаго сына и холодно поцѣловала Юрія.

Нина и Миша проявляли большую нѣжность къ матери и бабушкѣ, Нина безпрестанно цѣловала руки матери. Безчувственный же Юрка ни къ кому не ласкался, онъ былъ угрюмъ и молчаливъ и не хотѣлъ пить ни кофе ни молока.

— Это почему? Что за фокусы? — сказала бабушка. — Все кушаютъ, а ты не хочешь?

Юра отвернулся, на глазахъ его выступили слезы; ему казалось невозможнымъ ѣсть и пить и вести себя, какъ всегда, когда тамъ, въ гостиной, лежитъ отецъ бездыханный. Пусть поступаютъ такъ другіе, но не онъ, не онъ.

Еще все сидѣли за столомъ, когда швейцаръ подалъ цѣлую кипу газетъ. Теща распорядилась еще накануне, чтобы куплены были все №№ періодической печати.

— А, вотъ и газеты! — воскликнула теща. — Что-то писали?..

И съ наслажденіемъ любопытной женщины она развернула первый попавшійся подъ руки листъ:

„Телеграммы... Москва... Холера... Самоубійства... А, вотъ: Некрологъ NN. — „Вчера вечеромъ, не приходя въ сознаніе, — съ наслажденіемъ начала она: — скончался извѣстный писатель NN, о болѣзни котораго мы уже сообщали“.

И дрожащимъ голосомъ, съ надлежащими удареніями, она читала банальный некрологъ.

А тотъ, о комъ шла рѣчь, притаившись, внималъ этимъ словамъ.

Его очень хвалили. Хвалили его прозорливый умъ, образованность, его философскій взглядъ на жизнь, его знаніе души человѣческой. Хвалили много и напыщенно.

Теща читала, въ тактъ словамъ помахивая головою, наслаждаясь восхваленіями, съ которыми была согласна, и утирала слезы.

Жена тоже плакала и умилялась.

Прочли одинъ некрологъ и перешли къ другому, къ третьему (и жена читала).

Составители некрологовъ говорили какъ-будто и разное, но все были одинаково далеки отъ истины, какъ ему казалось. Никто не похвалилъ того, что онъ цѣнилъ при жизни больше всего въ себѣ: никто не похвалилъ его искренности, того непосредственнаго горячаго чувства, которое онъ влагалъ въ свои рассказы. Хвалили преимущественно его знаніе, всестороннее изученіе того, что онъ описывалъ. Ему же казалось, что именно знанія-то и не было въ его творествѣ, и этимъ отсутствіемъ знанія онъ всегда терзался и мучился. И часто у него опускались руки, и ему казалось, что не долженъ, не смѣетъ писать тотъ, кто ничего не знаетъ. Да, онъ былъ правъ, мучась своимъ незнаніемъ... Не разгадалъ собственнаго сына!

И, слушая свои некрологи, ему хотѣлось крикнуть:

— Молчите! Все это ложь и ложь!



Но не было словъ, не было голоса. Особенно было больно и оскорбительно, когда люди, принадлежащіе къ разнымъ партіямъ, принесли ему взгляды своей. А именно партійность-то онъ и ненавидѣлъ и считалъ себя художникомъ внѣ всякихъ партій.

Чтеніе некрологовъ было прервано. Принесли траурныя платья. Жена и теща занялись примѣркой.

Маша говорила, что ей рѣшительно все равно, какъ шито платье, хоть бы мѣшокъ, да настоящій траурный. Однако слезы высохли, и она разглядывала каждую складочку, каждую пуговку на себѣ.

— Мама, посмотри, не поднять ли плечо? А рукавъ, — не повернуть ли его сюда? Мнѣ все равно, конечно, но этотъ крешъ, мнѣ кажется, слишкомъ узокъ.

И обѣ женщины заботливо осматривали другъ друга, поправляли, укалывали. И онъ, присутствуя при этой примѣркѣ, почувствовалъ желаніе хохотать. Но смѣха не было, какъ не было словъ, какъ не было слезъ.

Во второмъ часу была опять панихида. Къ этой панихидѣ собралась масса свѣтской публики и литературной братіи. Было много знаменитостей, о чемъ долго потомъ вспоминала теща съ гордостью и наслажденіемъ.

По окончаніи панихиды, она опять искательно подходила къ имѣющимъ вѣсъ и значеніе и говорила о большомъ талантѣ умершаго, о его значеніи въ современной литературѣ, о необходимости посмертнаго изданія его сочиненій.

И опять жена плакала, и ее, поддерживая подъ руки, подводили къ тѣлу усопшаго, и дамы утѣшали:

— Его страданія были такъ велики, надо Бога благодарить, что онъ умеръ!

По отъѣздѣ официальныхъ лицъ, интимные собрались въ маленькой гостиной и пили чай. Теща разливала, Маша угощала. Были поданы торты, брѣошъ, сухарики, фрукты. Братъ, съ которымъ онъ разошелся уже столько лѣтъ, держалъ себя хозяиномъ въ этомъ домѣ, приказывалъ, распоряжался, занималъ гостей, и Маша признательно кивала ему головою съ грустной улыбкою.

Крюкъ былъ накинута; дверь его дома плотно приперта, — хозяина уже болѣе не впустятъ.

И, какъ живому еще, это было ему больно.

Настало утро и послѣдняго дня для погребенія.

Утро было холодное, пасмурное. На выносъ собралось только духовенство, и пріѣхали немногіе изъ родныхъ и знакомыхъ.

Отслужили короткую литію. Маша при прощаніи съ покойнымъ упала въ обморокъ. Ее почти въ безчувственномъ состояніи усадили въ карету.

Дуль холодный вѣтеръ съ моря и несъ какую-то влагу, охватывающую со всѣхъ сторонъ. Петербургскія панели и мостовыя, несмотря на старанія дворниковъ, были покрыты липкой, скверной грязью. Немногіе по этой грязи рѣшили слѣдовать пѣшкомъ за гробомъ. Дѣтей писателя усадили въ карету.

Только строптивый Юрка не захотѣлъ въ карету:

— Нѣтъ, нѣтъ, въ каретѣ душно! — И, ухватившись за руку Осипа, камердинера отца, онъ шагнулъ за гробомъ своими маленькими, крѣпкими ножонками.

Много разъ мать и бабушка во время длиннаго пути присылали за мальчикомъ: — садись въ карету.

— Нѣтъ, нѣтъ, душно тамъ.

— Ничего, — говорилъ Осипъ, добродушно улыбаясь посланцамъ: — пусть проводятъ до конца; выдержать ножки, ничего. Сынь вѣдь тоже, чувствуетъ.

Осипъ понималъ его лучше, чѣмъ отецъ-писатель.

Церковь къ отпѣванію вся наполнилась публикой. Вѣнки съ надписями: „Высокодаровитому художнику“, „Таланту, слишкомъ рано угасшему“, — чередовались съ болѣе интимными надписями: „Отъ друзей, горячо любимому NN“ и т. д. Служба шла торжественно, хоръ пѣвчихъ былъ великолѣпенъ, но въ церкви царило какое-то торопливое настроеніе:

„Поскорѣй бы покончить съ этой тяжелой церемоніей“.

У каждого изъ присутствующихъ было какое-нибудь свое дѣло, которое призывало его. Въ нѣкоторыхъ группахъ разговаривали о совершенно постороннихъ вещахъ, никакого касательства къ покойному не имѣвшихъ, а въ одной, отдаленной отъ гроба, даже искренно смѣялись.

Онъ все видѣлъ, все слышалъ, все понималъ.

Но за эти дни, съ мгновеніемъ смерти, прошли будто вѣка. Онъ видѣлъ все, все понималъ, но душа его воспринимала иначе видѣнное, чувствовала уже не такъ.

Въ этомъ большомъ храмѣ, гдѣ столпилось столько разнородныхъ лицъ, близкихъ ему по крови и духу и далекихъ ему, — въ этомъ храмѣ онъ не различалъ уже ни близкихъ ни далекихъ, — всѣ были одинаково близки и далеки.

Душа его освобождалась.

Тѣ путы, которыя такъ тѣсно держали его въ плѣну при жизни — путы привязанностей, а еще болѣе тѣ путы, которыя онъ и при жизни чувствовалъ съ отвращеніемъ: путы любви къ славѣ, жажда похвалъ и преклоненій, — путы эти были уже разорваны. Онъ видѣлъ кратковременность людского прославленія и былъ равнодушенъ къ нему.

Въ эту трехдневную страду увидѣлъ онъ и кратковременность любви и отчаянія.

Но онъ не страдалъ уже больше. Страданіе отошло.

Что-то большое, свѣтлое и радостное ширилось, наполняло его духъ и окутывало все существо его. Что-то неизъяснимое, какъ великая радость прощенія и любви, такой большой, всеобъемлющей любви, въ которой исчезали всѣ мелочи обидъ и ненужныхъ терзаній.

Все дальше и дальше отходилъ онъ отъ земли. И, когда гробъ съ его прахомъ вынесли изъ храма и съ плѣниемъ понесли къ могилѣ, онъ не слышалъ уже хора пѣвчихъ, — другая музыка звучала въ его душѣ. Не слышалъ онъ и рѣчей, произнесенныхъ на его могилѣ, не видѣлъ равнодушно расхажившей съ кладбища толпы. Послѣдній образъ, пронесшійся, какъ свѣтлое облако, передъ нимъ, былъ Юра, прижавшійся къ Осипу. Затѣмъ все исчезло, и освобожденная душа, поднимаясь все выше, уходила отъ нашего міра мелочей, напрасныхъ терзаній и лжи.

## Горный походъ.

Разсказъ И. Чеха.

(Окончаніе).

### VI.

Съ наступленіемъ слѣдующаго, сумрачнаго и холоднаго, дня отрядъ сталъ опять вытягиваться по новому уже подъему, и векоръ передовые ряды его, добравшись до вершины, увидѣли сизый хребетъ, съ каждымъ шагомъ все болѣе и болѣе открывавшійся. Его тоже предстояло имъ неизбежно одолѣть. Клубившіяся на вершинахъ облака принимали самыя фантастическія формы, а на побѣлѣвшихъ зубахъ кружилась снѣжная вьюга и неслась оттуда змѣиными побѣгами внизъ по проталинамъ въ пропасти.

— Ну, братцы, и разыгралась же тамъ погодушка не маленькая! И завелъ же насъ старикъ къ самому чорту! Тутъ намъ, видно, и косточки придется наши сложить, — слышался голосъ изъ рядовъ.

— Съ нашимъ старикомъ хоть къ чорту ступай, — отозвался бывалый солдатикъ: — онъ тебѣ и тамъ велитъ кашу сварить, накормить и вывести оттуда цѣлехонькаго.

— Ну и горки же! Нечего сказать, — началъ опять первый голосъ. — Глаза на лобъ вылѣзутъ, пока взберешься.

— При, при, не разсуждай! Какія тамъ горки! Знай, при! Чтѣ пропрешь — то и твое! — замѣчаетъ внушительно капраль.

А колонна все двигалась и двигалась впередъ по совершенно дикой и недоступной мѣстности, съ величайшимъ трудомъ сама себѣ пролагала путь, по которому съ неимоверными усиліями протаскивала артиллерію и вьюки, ни на минуту не теряя бодрости и увѣренности въ испытанную долгими годами опытность своего вождя. Солдаты не сомнѣвались, что онъ выведетъ ихъ изъ этихъ труповъ и сбѣлаетъ участниками какого-нибудь новаго славнаго дѣла.

И, несмотря на уже преклонный возрастъ и недуги отъ

ранъ и походовъ, неизмѣнно и невозмутимо красовался онъ на своемъ кабардинскомъ конѣ въ головѣ отряда, и въ типичныхъ чертахъ желто-бронзоваго лица его нельзя было ничего прочесть, кромѣ стоическаго спокойствія. Суровую надо было пройти школу, чтобы выработать въ себѣ такой закалъ.

Почти сорокъ лѣтъ тому назадъ, еще юношей, посланъ былъ онъ отцомъ своимъ въ Петербургъ на службу. Поступивъ въ Конно-гвардейскій полкъ, былъ произведенъ въ 1817 году въ корнеты, а затѣмъ, оставаясь тамъ десять лѣтъ безвыѣздно, вынесъ изъ этой поры своей жизни всю основу какъ для своего характера, такъ и для умственного развитія.

Въ Конно-гвардіи служила тогда вся богатая знать, тянулись ему за нею было не подъ силу; но онъ нашелъ въ себѣ столько такта, что, не выходя изъ скромной рамки своихъ средствъ, заставилъ товарищей по полку и полюбить и уважать себя, а по службѣ сбѣлался векорѣ образцовымъ офицеромъ.

Оставалось у него не мало затѣмъ и досугу, и онъ посвящалъ его какъ пополненію своего образованія, такъ и занятію военными науками. Это серьезное направленіе дала ему та среда земляковъ-армянъ, въ которой преимущественно онъ вращался въ Петербургѣ.

Въ ней онъ нашелъ многихъ еще лицъ, близко знавшихъ родного его дядю, архіепископа, а подъ конецъ жизни — верховнаго патріарха Іосифа Аргутинскаго, занимавшаго высокое положеніе при дворахъ Екатерины, Павла и Александра I. Іосифъ сумѣлъ заинтересовать Потемкина несчастною судьбою своихъ соотечественниковъ, бѣдствовавшихъ подъ мусульманскимъ игомъ Персіи и Турціи, и далъ понять ему, насколько въ войнахъ нашихъ съ этими державами намъ могутъ быть полезными армяне, если мы привлечемъ сердца ихъ къ Россіи. Геніальный



князь Тавриды воспользовался этими указаніями и готовностью самого Іосифа принимать непосредственное участіе въ столь важномъ дѣлѣ. Архіепископъ во всѣхъ нашихъ побѣдоносныхъ походахъ въ Бессарабіи, Крыму и Закавказьѣ постоянно находился при дѣйствовавшихъ нашихъ арміяхъ и приносилъ имъ большую пользу сношеніями своими съ персидскими и турецкими армянами. Черезъ нихъ мы имѣли всегда самыя вѣрныя свѣдѣнія о движеніяхъ непріятельскихъ силъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Іосифъ склонялъ земляковъ къ переселенію въ наши предѣлы и способствовалъ образованію значительной колоніи—Нахичевани на Дону и нѣсколькихъ другихъ въ Крыму и Бессарабіи. Такая плодотворная дѣятельность сдѣлала его чрезвычайно вліятельнымъ лицомъ среди своихъ земляковъ, и онъ не переставалъ съ особою силою убѣжденія внушать имъ, что спасеніе ихъ родины, ея національности и церкви они могутъ ожидать только отъ „Великаго Русскаго Сѣвера“.

И внушенія эти, какъ и вся дѣятельность Іосифа, оставили по себѣ глубокой слѣдъ въ памяти и сердцахъ земляковъ его, среди которыхъ онъ жилъ. Изъ нихъ вышло затѣмъ нѣсколько крупныхъ лицъ, украсившихъ и ряды русской арміи, какъ, на примѣръ, князь Мадатовъ, Деляновъ—генералы Отечественной войны, а на ряду съ ними былъ и павшій въ Лейпцигскомъ сраженіи полковникъ Лазаревъ. Они были гордостью русскихъ армянъ, и молодой Аргутинскій поставилъ цѣлью своей жизни сдѣлаться достойнымъ ихъ.

Въ богатомъ семействѣ Лазаревыхъ онъ нашелъ прекрасную бібліотеку, которая помогла ему познакомиться съ нѣкоторыми весьма важными историческими матеріалами армянской литературы, а затѣмъ онъ сосредоточилъ все вниманіе на изученіи назрѣвавшего и тогда уже восточнаго вопроса. Письма изъ Закавказья и лица, оттуда пріѣзжавшія, сообщали ему свѣдѣнія весьма не утѣшительныя. Отношенія наши съ Персіей оставались попрежнему крайне натянутыми, и война съ горцами обѣщала принять затяжной характеръ, такъ какъ Ермолову отказывали во всемъ изъ Петербурга и, главное, не давали надлежащаго числа войскъ, а съ тою горетью, которая находилась въ его распоряженіи, онъ не могъ достигнуть окончательныхъ результатовъ. Въ Закавказьѣ никто не сомнѣвался въ скоромъ рецидивѣ войны съ Персіей, а въ Петербургѣ все рассчитывали на искусство нашей дипломатіи. Аргутинскій, зная все это изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, избѣгалъ всякихъ свѣтскихъ развлеченій, свойственныхъ его молодому возрасту, жилъ чуть не аскетомъ, посвящая все свое время службѣ и чтенію и ждалъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ кризиса въ Закавказьѣ. И вотъ въ 1827 году этотъ кризисъ послѣдовалъ. Абассъ-Мирза внезапно сдѣлалъ нашествіе съ огромными полчищами на Закавказье и вначалѣ имѣлъ значительный успѣхъ. Произшелъ страшный переполохъ въ Петербургѣ. Во всемъ стали винить Ермолова и послали на смѣну его Паскевича съ Дибичемъ. Аргутинскій при первыхъ же извѣстіяхъ о войнѣ подалъ прошеніе о переводѣ своемъ въ кавказскій корпусъ и, переименованный изъ ротмистровъ гвардіи въ подполковника Грузинскаго гренадерскаго полка, поспѣшилъ на театръ войны.

Первые боевые его шаги начались при взятіи крѣпости Сардарабада и Эривани, послѣ чего Абассу-Мирзѣ было нанесено полное пораженіе. Отрядъ, въ которомъ находился и Аргутинскій, преслѣдуя персіянъ, занялъ Тавризмъ, чѣмъ и закончилась война. Но и послѣ Туркменчайскаго мира Аргутинскій оставался въ предѣлахъ Персіи до уплаты ею контрибуціи и, состоя въ распоряженіи нашего коменданта тавризскаго, полковника Лазарева, занятъ былъ переселеніемъ оттуда въ Закавказье восьми тысячъ семействъ армянскихъ. По окончаніи же этого порученія, онъ принималъ участіе и въ войнѣ съ турками въ Малой Азіи, а въ 1830 году впервые встрѣтился въ бою при Новыхъ Закалатахъ съ горцами Дагестана. Отсюда и началась вся послѣдующая его въ этой части края дѣятельность, сдѣлавшая его знаменитымъ лицомъ въ исторіи покоренія Кавказа.

Въ теченіе почти четверти столѣтія, восходя по служебной лѣстницѣ до званія начальника войскъ Прикаспійскаго края, онъ былъ и вождемъ ихъ и правителемъ горскихъ племенъ, имъ же покоренныхъ. До такой степени сроднился онъ и съ горною войною, такъ изучилъ характеръ ея и своихъ противниковъ, что имъ никогда уже не удавалось его провести.

Всѣ ихъ замыслы онъ разгадывалъ и выходилъ побѣдителемъ при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, а своею устойчивостью въ словѣ и неумолимою строгостью высоко держалъ обаяніе русской власти. Имя „Аргутъ“ заставляло трепетать горцевъ, какъ нѣкогда имя Ермолова. Зная всѣ мѣстныя нарѣчія, онъ объяснялся съ населеніемъ безъ переводчика, а рѣчи его были кратки и исполнены силы. Когда же какое-нибудь племя дѣйствительно покорялось, онъ рѣдко прибѣгалъ съ нимъ къ оружію, даже и въ минуты случайныхъ общественныхъ замѣшательствъ.

Разъ какъ-то жители одного мирнаго аула, подстрекаемые пробравшимися къ нимъ мюридами, затѣяли бунтъ; но какъ только дошло о томъ до Моисея Захаровича, онъ тотчасъ же самъ поспѣшилъ туда съ незначительнымъ конвоемъ, приказалъ собрать народъ и, войдя въ середину толпы съ неизмѣннымъ своимъ чубучкомъ въ рукѣ, потребовалъ объясненія причины безпорядковъ. Народъ загладѣлъ. Онъ терпѣливо его выслушалъ,

разобралъ, въ чемъ дѣло, самъ указалъ на коноводовъ, велѣлъ тутъ же ихъ перевязать, и когда стоявшіе возлѣ него стали при этомъ неумѣстно возражать—раздался гнѣвный голосъ князя, и чубучокъ его пошелъ гулять по головамъ. Мгновенно стихла тогда, какъ бы загнипнотизированная, толпа и въ глубокомъ молчаніи исполнила всѣ его требованія, несмотря на то, что народъ былъ, какъ и всегда, вооруженъ и нафанатизированъ гостившими передъ тѣмъ у него мюридами.

Солдаты вѣрили въ Аргутинскаго, любили его, какъ вождя, съ которымъ не знали неудачъ, суровый же его режимъ не охлаждалъ ихъ энергіи, а велъ лишь къ новымъ подвигамъ. Посылалъ онъ ихъ брать иногда такіе завалы, что, по одолѣніи ихъ, сами же молодцы разводили руками и дивились тому, какъ они могли овладѣть такими неприступными позиціями. Въ простосердечіи своемъ они и не подозрѣвали, что все это исходило отъ великаго обаянія сѣдого старика, носившаго въ себѣ самомъ секретъ, которымъ онъ умѣлъ подымать духъ солдата и дѣлать его героемъ. Офицеровъ онъ зналъ всѣхъ лично и давалъ имъ самую вѣрную оцѣнку, а ближайшими своими сотрудниками не только руководилъ, но и вырабатывалъ изъ нихъ замѣчательно дѣльныхъ людей. Изъ его школы вышли такіе люди, какъ гр. Евдокимовъ, Миценко, Колосовскій, Манюкинъ, Радецкій и многіе другіе, составившіе себѣ извѣстность въ исторіи кавказской войны.

Вотъ каковъ былъ этотъ старичокъ теперь въ челѣ Туркидавскаго отряда на своемъ кабардинцѣ и ведущій его куда-то цѣлкомъ по самымъ неприступнымъ мѣстамъ.

Добрался отрядъ наконецъ и до вершины сизыхъ горъ, гдѣ среди окружающей тишины вдругъ съ воемъ вырывался вѣтеръ изъ какого-нибудь ближайшаго темнаго ущелья. Проглянувшій невзначай сквозь густую грядку облаковъ солнечный лучъ набросилъ вдругъ ослѣпительныя свѣтотыя пятна на одну изъ стѣнъ ущелья и показалъ малѣйшія ея морщинки и штрихи; но не успѣлъ глазъ насмотрѣться на это очаровательное зрѣлище, какъ облака опять все заволокли, и стѣна сдѣлалась опять темною и мрачною.

Отрядъ перевалилъ наконецъ черезъ гребень и спустился въ небольшой увалъ, за которымъ слѣдовалъ новый хребетъ, вершины котораго совсѣмъ освободились отъ облаковъ, и снѣжная зубчатая стѣна открылась на далекое разстояніе. Сѣрою ленточкою тянулся отрядъ, глубокія пропасти, издали казавшіяся ничтожными морщинками, зіяли по его сторонамъ. Чѣмъ дальше онъ двигался, тѣмъ болѣе оставлялъ по себѣ слѣдовъ въ видѣ замерзшаго казака или драгуна, или лошади, потонувшей въ снѣжномъ сугробѣ. А надъ этими жертвами дѣлали уже въ воздушномъ пространствѣ широкіе круги пернатые хищники.

Пѣхота по этимъ снѣжнымъ уваламъ прошла счастливо; поплатилась лишь нѣсколькими людьми кавалерія. Отрядъ расположился на бивуакѣ, но тутъ Аргутинскій послѣ необходимаго отдыха, взявъ съ собой кавалерію и распростившись съ остальными частями, обѣщавъ черезъ день или два дать о себѣ знать и двинулся впередъ.

И снова потянулась кавалерія по снѣжной пустынѣ. Ей необходимо было поскорѣй выйти изъ полосы, лишенной фуража, а до привольныхъ луговъ и благоухающаго воздуха оставалось уже немного. Съ завистью смотрѣли вслѣдъ ей пѣхотинцы.

Но вотъ вскорѣ замеръ звукъ отъ конскаго топота, кавалерія, съ вождемъ своимъ впереди, опять обратилась въ сѣрую ленточку на бѣломъ фонѣ, а затѣмъ, повернувъ за стоявшій на пути ея бугорокъ, совсѣмъ исчезла...

## VII.

Не веселый бивуакъ выпалъ на долю осиротѣлаго отряда, оставленнаго въ сосѣдствѣ вѣчныхъ снѣговъ безъ топлива и палатокъ. Послѣднихъ было самое ограниченное количество, и то у старшихъ, а въ числѣ ихъ—и у запасливаго инженера Фукса. Тотчасъ же пришлось плестись солдатикамъ на низы за добычаніемъ дровъ, и, благодаря ихъ энергіи и находчивости, вечеромъ запылало нѣсколько костровъ изъ натасканныхъ ими кустовъ рододендрона и всякаго бурьяна, и котелки съ кашей пошли распространять вокругъ себя пріятный запахъ.

„Значитъ, день скоротали благополучно, ну, а тамъ предстоятъ еще лишь одинъ денекъ потерпѣть. Невелика важность; старикъ твердъ въ своемъ словѣ, сказалъ, что пришлетъ за нами черезъ два дня,—думали люди:—ну, и пришлетъ“. А между тѣмъ, все въ отрядѣ, кромѣ, конечно, дежурныхъ, погрузилось въ глубокой сонъ.

Ночью повалилъ снѣгъ и такими хлопьями, что затушилъ догравшіе костры, да и всѣхъ засыпалъ. Бились, бились съ нимъ, а потомъ и перестали; укутались себѣ, чѣмъ попало, и рѣшили, что подъ его покрывкомъ спать теплѣе, благо мороза совсѣмъ почти не было. Къ утру однако онъ пересталъ, и, когда разсвѣло, ночлегъ отряда представлялъ собою зрѣлище, похожее на то, какъ изъ-подъ кучки мелкаго сахара вылѣзаютъ забравшіяся туда мухи. Двѣ палатки не выдержали навалившейся на нихъ тяжести и покрыли собой своихъ владѣльцевъ. Болѣе смѣялись отъ всѣхъ этихъ приключеній, чѣмъ рюмились, и вообще бодрость людей ни на іоту не уменьшалась. О заболѣвшихъ не было слышно. Нѣсколько партій солдатиковъ отправились снова за топливомъ.

Около полудня вернулась одна изъ нихъ съ большими вязан-



ками, а съ ними притащили и дикаго козла, пойманнаго руками въ сугробахъ снѣга. Бѣдняжка застрялъ тамъ и взятъ былъ живьемъ. Фуксъ тотчасъ же купилъ у солдатиковъ эту добычу, и часа черезъ два около его палатки пѣлъ уже хоръ пѣсенниковъ, подавались гостямъ,—а въ числѣ ихъ были и старшіе,—вкусные шашлыки и поливались кахетинскимъ. Предусмотрительный по-ручикъ сумѣлъ запасти бурдючкомъ почтенныхъ размѣровъ. Когда показалась и слѣдующая партія съ топливомъ, то по веселому ея говору можно было заключить, что и она тащитъ что-то особенное, кромѣ вязанокъ дровъ. И дѣйствительно, она была съ добычей. Одинъ изъ солдатиковъ несъ пойманную въ снѣгу лисицу. Взять ее не такъ было легко, какъ козла,—она сильно кусалась, пока не надѣли ей намордника. Спустили ее на землю, и она служила предметомъ общаго любопытства.

День скоротали безъ печали, вечеромъ опять свѣтилось нѣсколько костровъ, въ котелкахъ варились остатки крупы, а послѣ ужина все завалилось на боковую.

Наступили третьи сутки, и нетерпѣніе отряда стало расти. Всѣ поглядывали въ ту сторону, откуда ожидался гонецъ князя, и тутъ пошли разные толки.

Увидѣлъ кто-то на снѣжной пеленѣ движущуюся точку, указалъ на нее другимъ, и множество глазъ въ нее впилось.

— Да это кто-то скачетъ сюда,—утвердительно завѣрялъ чей-то голосъ.

Затѣмъ слѣдовало молчаніе. Всѣ разглядывали.

— Скачетъ, и впрямь скачетъ,—поддакивалъ другой.

— Скачетъ-то скачетъ,—вторилъ третій:—только кто скачетъ?

— Известно, лазутчикъ.

— Какой тамъ лазутчикъ! Просто волкъ. Смотри, какъ мечется во всѣ стороны,—вѣрно, падалъ чувствуетъ.

— Эхъ, братцы! И не волкъ, а что-то другое.

Къ толпѣ подошелъ офицеръ съ биноклемъ.

— Ваше благородіе, извольте посмотрѣть, чтò это?

Офицеръ глядитъ и объявляетъ, что это больше ничего, какъ птица, и въ подтвержденіе его словъ всѣ видятъ, какъ она повернула назадъ и быстро стелется по снѣгу.

Несмотря на общее разочарованіе и досаду, раздается громкій хохотъ, и толпа расходится.

И подобныхъ миражей одинъ за другимъ слѣдовало цѣлый рядъ, напрягая только у всѣхъ нервы. Топливо хотъ и нанесено было снова, да каша-то варить было уже не изъ чего, и люди остались при однихъ только сухаряхъ. Кануль и третій день, за нимъ слѣдовала холодная ночь; тощіе костры едва горѣли.

Наступилъ и четвертый. Чувство невыносимой тоски начинало смѣнять нетерпѣніе; сухари были на исходѣ, проголодь наводила на мрачныя размышленія. Наконецъ послѣ обѣда изъ-за бугорка показалась опять черная точка, росла, росла, и всѣ разсмотрѣли въ ней на этотъ разъ приближающагося верхового. На значительномъ еще разстояніи онъ сталъ махать рукою, а когда былъ уже въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ бивуака, раздался громкій его голосъ: „Кагазъ! кагазъ!“, т.-е. бумага, пакетъ.

Восторгъ былъ общій, всѣ поздравляли другъ друга съ движеніемъ впередъ и съ предстоящими славными дѣлами.

Но недолго длилось это счастливое заблужденіе. Вѣсти, привезенныя татаринкомъ, были нерадостнаго свойства. Прежде всего въ бумагѣ, имъ привезенной, предписывалось отряду немедленно сняться съ мѣста и итти обратно въ свой районъ, а изъ устнаго разказа татарина всѣ узнали двѣ весьма важныя вещи. Физическія силы князя не вынесли послѣдняго перехода его съ кавалеріей, и подъ конецъ ему сдѣлалось такъ дурно, что его сняли съ лошади, устроили носилки и на нихъ несли дальше. Сознанія онъ не терялъ и приказывалъ спѣшить и все спѣшить впередъ, а когда наконецъ кавалерія добралась до верхушки перевала, то увидѣли отсюда огромныя скопища горцевъ, расположившихся на одной изъ возвышенностей; тутъ же красовалась и зеленая ставка самого Шамиля. Всѣмъ стала понятна тогда цѣль непомерно труднаго движенія, исполненнаго княземъ. Быстротою его онъ внезапно, врасплохъ, захватилъ своего противника съ такой стороны, откуда ему и сниться не могъ „Аргутò“.

Въ непріятельскомъ станѣ произошла страшная суматоха при появленіи нашихъ силъ. На глазахъ у всѣхъ имамъ со своими мюридами успѣшилъ навьючиться, и въ скоромъ времени они исчезли въ горахъ, а на возвышенности, ими занимаемой, стали показываться другіе люди, въ которыхъ бинокль далъ возможность распознать пѣшихъ милиціонеровъ грузинской дружины. То была передовая цѣпь отряда съ Лезгинской линіи.

Вскорѣ Аргутинскій, спустившись съ горъ, соединился съ начальникомъ Лезгинскаго отряда. Къ слѣдующему утру посланные по слѣдамъ горцевъ развѣдчики вернулись и сообщили, что Шамиль со всѣми своими силами далъ окончательно стрѣчка въ глубину горъ, погубивъ не малое число джаро-бѣлоканцевъ, имъ увлеченныхъ.

Татаринъ объяснилъ, что княземъ были отправлены одинъ за другимъ три лазутчика къ Турчидагскому отряду, изъ которыхъ онъ, послѣдній, до него добрался. Этимъ и объяснилось замедленіе въ полученіи приказа, томившее отрядъ неизвѣстностью. Значитъ, дѣло, къ глубокому прискорбію оставленнаго на бивуакѣ отряда, обошлось безъ его участія, а князь сдѣлался жертвою движенія, непомерно быстрая котораго обратила Шамиля въ окончательное бѣгство.

Безъ малѣйшаго промедленія Дагестанскій отрядъ снялся съ своего бивуака и направился на Козикумухъ, оттуда былъ распущенъ по штабъ-квартирамъ. Въ Козикумухѣ была дневка, люди отдохнули, утолили голодь, а тутъ же получилась изъ штабъ-квартиры и почта, уже нѣсколько дней дожидавшаяся здѣсь получателей корреспонденцій.

Выискалось письмо и на имя прапорщика Михайлова. Когда онъ его распечаталъ, то покраснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ, отъ удовольствія. Писала Миля еще отъ 27 августа. Она сильно безъ него стосковалась и звала къ себѣ, такъ какъ писарь ей сообщилъ, что въ штабѣ получены на его имя письма. „Нѣтъ ли тутъ отвѣта его родителей?“ И это письмо ея ему уже снилось, а къ довершенію его изумленія, въ немъ Миля говорила тоже и о заведенной ею кошечкѣ, очень забавной.

„Да послѣ этого,—подумалъ Михайловъ:—въ тогдашній мой сонъ вмѣшался не только спиртъ, а даже и цѣлый спиритизмъ“.

### VIII.

Нѣсколько дней спустя послѣ возвращенія къ своимъ пенатамъ всѣхъ частей, входившихъ въ составъ Турчидагскаго отряда, отдохавшихъ уже теперь на лаврахъ, получилась наконецъ и полная реляція о закатальскихъ дѣлахъ и о послѣднемъ походѣ князя Моисея Захаровича Аргутинскаго.

Не вдаваясь въ подробности, приводимъ ее въ общихъ чертахъ.

Лѣтомъ 1853 года въ Закавказьѣ вдругъ стало замѣтнымъ необычное движеніе и перемѣщеніе военныхъ частей къ пограничной чертѣ съ Турціей. Газеты приносили неутѣшительныя извѣстія о переговорахъ нашей Константинопольской линіи съ Портой о ключахъ Гроба Господня. Въ воздухѣ запахло войной. Мусульманское населеніе Закавказья встрепенулось и наострило уши, а тайные эмиссары, появившіеся среди него изъ Турціи, начали призывать правовѣрныхъ къ кровавой борьбѣ съ гяурами. Подъ наружной оболочкой спокойствія тлѣло уже готовое вспыхнуть общее возстаніе.

При такомъ вѣянніи Шамиль, окруженный съ трехъ сторонъ нашими силами, чувствовавшій, что кольцо вокругъ него все болѣе суживается, замѣтилъ, что ряды дѣйствовавшихъ противъ него войскъ порѣдѣли; нѣкоторыя части были направлены къ турецкой границѣ, и онъ рѣшилъ воспользоваться такою благоприятною для себя минутою для приведенія въ исполненіе давно уже задуманнаго имъ плана.

Собравъ огромныя скопища горцевъ, онъ ринулся съ ними на Закатальскій округъ, входящій въ долину Алазани и заключающій въ себѣ населеніе джаро-бѣлоканскихъ лезгинъ, тайныхъ его союзниковъ. При помощи ихъ онъ рассчитывалъ овладѣть крѣпостью Закаталами и, сдѣлавшись тогда хозяиномъ всей Кахетіи, войти въ прямую связь съ нухинскими и елисаветпольскими татарами, подготовленными уже къ поголовному возстанію.

25 августа онъ появился съ большими силами у селенія Закаталы, брошеннаго жителями; но тутъ встрѣтилъ его начальникъ Лезгинской кордонной линіи генералъ-маіоръ князь Григорій Дмитріевичъ Орбеліани, успѣвшій на скорую руку собрать лишь четыре батальона, нѣсколько орудій и милицію. Произошло кровавое дѣло, въ которомъ горцы понесли пораженіе и отступили.

Князь Орбеліани тогда же послалъ нарочнаго къ князю Аргутинскому, который посѣлъ на Турчидагъ 27 августа. Между тѣмъ, не теряя времени и увеличивъ свои силы новыми войсками, Орбеліани разбилъ елисаветскаго султана Даніэль-бека и сына Шамиля Кази-Магому и, загнавъ ихъ въ горы, шелъ туда же по ихъ пятамъ.

Шамиль однакожъ, выбравъ себѣ крѣпкое мѣсто, оставался на немъ и, сосредоточивая свои скопища, рѣшилъ повторить наступленіе на крѣпость Закаталы. Оно было слишкомъ заманчиво. Численность войскъ Лезгинской линіи, несмотря на первоначальный ихъ успѣхъ, все-таки была слишкомъ слаба, и послѣ новаго на нихъ напора одолѣть ихъ становилось вѣроятнымъ. И Шамиль, соединившись съ разбитыми скопищами Даніэль-бека и Кази-Магома, готовился уже на вторичное наступленіе и предпринялъ даже штурмъ Месельдегерскаго укрѣпленія, рассчитывая при удачѣ захватить въ свои руки всю Алазанскую долину. Но вдругъ нежданно-негаданно съ тылу у него и въ мѣстѣ, считавшемся совсѣмъ неприступнымъ, появляется бичъ его—„Аргутò“. Шамиля обуяла паника и обратила его въ постыдное бѣгство.

Вотъ какое громадное значеніе имѣло движеніе князя Моисея Захаровича. Не появившись онъ именно въ тотъ моментъ, какъ было нужно, Шамиль опять громилъ бы Закаталы съ свѣжими силами, и при успѣхѣ его все мусульманское населеніе Закавказья поднялось бы, какъ одинъ человекъ. Аргутинскій понималъ это лучше всякаго другаго и пожертвовалъ собою, лишь бы посѣть во время. Когда на послѣднемъ подъемѣ онъ чуть не свалился съ лошади, и его положили на носилки—съ нимъ былъ уже параличъ. Но какъ ни была немощна плоть, духъ бодрствовалъ, и князь продолжалъ черезъ силу отдавать приказанія.

Когда Шамиль бѣжалъ, Аргутинскаго отнесли въ Закаталы, гдѣ и оказана была ему первая медицинская помощь, а затѣмъ его доставили въ покойномъ экипажѣ въ Тифлисъ.

Но ни восторженная встрѣча, ни всѣ лучшіе доктора, ни новыя Монаршія милости не возвратили ему здоровья. Два года протянулъ еще князь въ самомъ печальномъ положеніи, совершеннымъ калѣжкой, не разлучаясь съ вѣрнымъ своимъ Глахуной, и скончался весною 1855 г.



Памятникъ, воздвигнутый въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, достойно увѣковѣчилъ имя этого истиннаго героя, послѣдній подвигъ котораго прекрасно былъ выраженъ слѣдующими словами приказа по отдѣльному кавказскому корпусу кн. Воронцова: „Честь и слава храбрымъ войскамъ Лезгинскаго отряда, неустрашимому гарни-

зону Месельдегерскаго укрѣпленія и Дагестанскому отряду, увѣчавшему уничтоженіе замысловъ Шамиля скорымъ прибытіемъ на помощь товарищамъ *черезъ такіа мѣста* и въ *такое время*, что походъ сей по справедливости должно считать *историческимъ и почти безпримѣрнымъ*“.

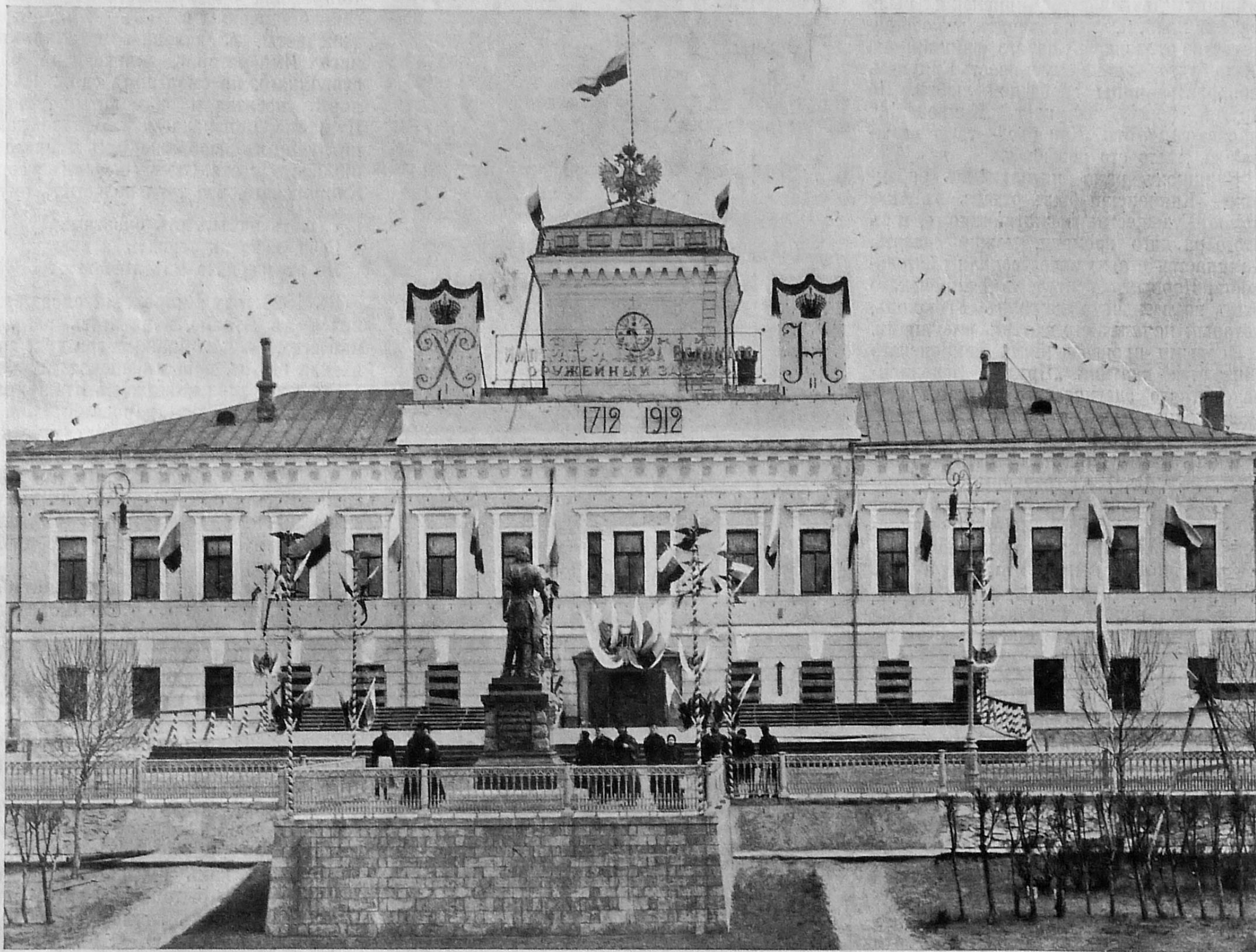
## О. А. Кипренскій.

(Съ 5 автопортретами и 7 портретами на стр. 445, 448, 449 и 452).

Въ послѣднее время у насъ въ художественныхъ и литературныхъ кругахъ все болѣе и болѣе распространяется сознание необходимости охраненія забытой и разрушающейся художественной старины—тѣхъ памятниковъ искусства, которые приходятъ въ упадокъ отъ небрежности или невѣжества окружающихъ лицъ, или же перепродаются куда-нибудь за границу и такимъ образомъ безслѣдно исчезаютъ для Россіи и русскаго искусства. Образчики стариннаго зодчества, старинная скульптура, живопись, бронза, фарфоръ—все то, что служило нашимъ пред-

рины, и она теряется въ нѣдрахъ антикварныхъ лавокъ и въ невѣжественныхъ безвѣстныхъ рукахъ. Найти и охранить эту старину елисаветинской, екатерининской и александровской поры—трудъ большой и благодарный.

Въ цѣляхъ охраны старины, Общество вырабатываетъ цѣлый рядъ мѣръ для защиты памятниковъ, которымъ грозитъ гибель. Такъ, имъ реставрированы многія старинныя церкви, дворцы, часовни и т. п. Кромѣ того, Общество всѣми мѣрами популяризируетъ произведенія художниковъ былого времени, охраняя ихъ



Тулскій Императора Петра Великаго оружейный заводъ (по поводу 200-лѣтія его существованія). Главный корпусъ завода.

камъ для украшенія, разрушалось, пока не пришли на помощь къ этой прекрасной старинѣ частныя лица и цѣлыя общества.

Однимъ изъ такихъ обществъ является основанное года три тому назадъ и состоящее подъ предѣлательствомъ Е. И. В. Великаго Князя Николая Михайловича „Общество защиты и сохраненія памятниковъ искусства и старины“. Общество это имѣетъ своей цѣлью, какъ сказано въ его уставѣ: „защищать памятники искусства и старины, имѣющіе художественное, бытовое и историческое значеніе, отъ разрушенія и искаженія, а также и сохранить ихъ въ Россіи“. Дѣятельность Общества направлена преимущественно на послѣ-петровскій періодъ нашей исторіи, какъ наиболѣе нуждающійся въ охранѣ. До-петровская старина охраняется Императорскою Археологическою Комиссіей, которая обязана по своему уставу охранять памятники, созданные до 1725 года. Но памятники старины и искусства, появившіеся послѣ этого года и относящіеся къ эпохѣ русскіхъ императрицъ и къ началу XIX столѣтія, когда начало зарождаться наше новѣйшее искусство,—эти памятники, иной разъ чрезвычайно художественные и драгоцѣнные, никакой фактической защиты не имѣли, и охранять ихъ призвано то Общество, о которомъ идетъ рѣчь. Дѣятельность этого Общества въ особенности важна и нужна нынче: революціонные 1905—6 годы унесли вмѣстѣ съ разгромленными старинными помѣщичьими гнѣздами много всякой художественной ста-

такимъ образомъ отъ забвенія въ широкой публикѣ: оно воспроизводитъ ихъ произведенія, устраиваетъ изъ ихъ произведеній выставки, издаетъ монографіи, посвященныя ихъ жизни и дѣятельности и т. п.

Изъ художниковъ стараго времени Общество уже „возсоздало“ А. Г. Венеціанова и О. А. Кипренскаго. Были устроены выставки картинъ обоихъ этихъ художниковъ, при чемъ выставка произведеній Кипренскаго была приурочена къ 75-лѣтію со дня смерти этого художника.

Орестъ Адамовичъ Кипренскій—блестящій представитель русскаго живописнаго искусства въ царствованіе императоровъ Павла I и Александра Благословеннаго. Блестящій и по таланту и по технику портретистъ, равнаго которому не было ни въ его время ни даже, пожалуй, позднѣе. Портреты Кипренскаго—галерея живыхъ до осязательности лицъ всего тогдашняго общества, начиная съ лицъ Царской Фамиліи и съ такихъ гигантовъ умственной аристократіи, какъ Пушкинъ, и кончая „простыми смертными“, портреты которыхъ теперь скромно обозначаются: „портретъ неизвѣстнаго“, „мужской портретъ“, „женскій портретъ“ и т. п. Съ этихъ старинныхъ, потемнѣвшихъ портретовъ на насъ глядятъ живые до полной иллюзіи глаза и строія въ романтической и величавой красотѣ лица. Кипренскій былъ настоящимъ сыномъ своей эпохи: онъ жилъ въ то время, когда царили ро-



мантизм и сентиментальность, и обѣ эти характернѣйшія черты того времени ярко отразились на его произведеніяхъ. Герои Кипренскаго всегда облечены въ ореолъ поэтической задумчивости или возвышеннаго пафоса; окружающая ихъ обстановка, напимѣръ, пейзажъ, на фонѣ котораго они написаны, обвѣяна бурей, омрачена тучами, осіяна таинственнымъ луннымъ отблескомъ. Романтизмъ Жуковскаго и сентиментализмъ Карамзина нашли въ произведеніяхъ Кипренскаго яркое отраженіе. Красивыя мечтательныя женщины, важные царедворцы, гордые военные, увѣчаные славою тогдашнихъ счастливыхъ походовъ, знаменитые поэты и писатели—все они живутъ и почти дышатъ на портретахъ Кипренскаго... Художникъ надѣлилъ ихъ какимъ-то волшебствомъ прекраснаго и поэтическаго безсмертія.

Кто же былъ этотъ художникъ?

Орестъ Адамовичъ Кипренскій считался сыномъ нѣкоего Адама Швальбе, крѣпостнаго человѣка, принадлежавшаго помещику Дьяконову. Кипренскій былъ вѣнчанный, и, какъ говорятъ, это обстоятельство отразилось на его фамилии: она была будто бы дана ему въ честь Киприды, покровительницы свободной любви. По другой версіи, фамилія „Кипренскій“ происходитъ отъ „Копорье“—такъ называлось мѣсто его рожденія.

Слишкомъ рано—пятилѣтнимъ ребенкомъ—Кипренскій былъ отданъ въ Академію Художествъ воспитанникомъ, и съ этого ранняго времени, можно сказать, начинается его художественная дѣятельность. Первымъ учителемъ Кипренскаго былъ извѣстный художникъ Угрюмовъ, который научилъ его владѣть рисункомъ.

Первыми произведеніями Кипренскаго считаются картина „Прудъ“, исполненная мягкаго элегическаго настроенія, и акварельные эскизы къ программной картинѣ „Филимонъ и Бавкида“. Эти произведенія имѣли успѣхъ и создали Кипренскому имя. Въ 1803 году онъ блестяще окончилъ Академію и остался при ней пенсионеромъ. О совершенствѣ его тогдашней живописи свидѣлствуетъ портретъ его отца, который много лѣтъ спустя (въ 1831 году) былъ принятъ знатоками искусства за работу Рубенса...

Послѣ нѣсколькихъ опытовъ въ живописи разнаго рода—исторической и т. п.—Кипренскій перешелъ къ портретамъ и вскорѣ показалъ, что въ этой области у него—по крайней мѣрѣ въ то время—въ Россіи нѣтъ соперниковъ. Въ 1809 году онъ былъ командированъ въ Москву въ распоряженіе скульптора Мартоса, который былъ занятъ въ это время работами по изготовленію памятника Минину и Пожарскому. И вотъ время пребыванія въ Москвѣ считается настоящимъ расцвѣтомъ таланта и искусства Кипренскаго. То, чего онъ достигъ и что сдѣлалъ въ этотъ періодъ своей жизни, можетъ считаться гениальнымъ, и большаго онъ уже не достигалъ во всю свою дальнѣйшую, все болѣе и болѣе неудачно складывавшуюся жизнь... Позднѣе для Кипренскаго уже начался поворотъ къ худшему, закончившійся почти полнымъ паденіемъ...

Въ знаменательный годъ наполеоновскаго нашествія Кипренскій жилъ въ Твери, состоя при принцессѣ Гольштейн-Ольденбургской, супругѣ которой въ то время былъ военнымъ губернаторомъ Твери. Кипренскій тогда уже пользовался славой моднаго портретиста, и въ качествѣ его кліентовъ были высокопоставленныя лица, великіе князья, поэты, герои двѣнадцатаго года...

Въ томъ же двѣнадцатомъ году Кипренскій возвращается въ Петербургъ, получаетъ званіе академика—и опять создаетъ цѣлый рядъ портретныхъ шедевровъ и изумительныхъ рисунковъ, изъ которыхъ слѣдуетъ упомянуть „Мальчика“, „Неизвѣстнаго“, „Генерала“ (находящагося нынѣ въ Музеѣ Императора Александра III), портреты А. Томилова, братьевъ Ланскихъ и цѣлый рядъ деревенскихъ типовъ—дѣвушекъ въ кокошникахъ, мужиковъ, крестьянскаго мальчика. Позднѣе онъ опять увлекается красками и пишетъ превосходные портреты такихъ знаменитостей, какъ архитекторъ Гваренги, актеръ Дмитревскій, баснописецъ Крыловъ, поэты Батюшковъ, Вяземскій, Жуковскій. Маги-

ческая кисть Кипренскаго оставила намъ живую и яркую память обо всѣхъ этихъ лицахъ, и все они обвѣяны у него духомъ эпохи—таинственной мечтательностью и романтическимъ лиризмомъ. Въ это же время Кипренскій былъ приглашенъ ко Двору и написалъ портреты великихъ князей Михаила и Николая Павловичей.

Къ этой порѣ стихли военныя событія, и художникъ впервые въ своей жизни отправился за границу, получивъ для этого путешествія средства отъ покровительствовавшей ему императрицы. И, какъ справедливо замѣчаютъ біографы Кипренскаго, онъ поѣхалъ за границу на свое несчастье: заграничная жизнь не только не дала ему ничего полезнаго въ смыслѣ усовершенствованія своего и безъ того совершеннаго искусства, но наоборотъ—дала толчокъ къ ухудшенію и даже паденію Кипренскаго, какъ художника и какъ человѣка.

Вернувшись изъ Италіи въ Петербургъ, Кипренскій опять пишетъ портреты высокопоставленныхъ лицъ—императрицы Елисаветы Алексѣевны и „Плѣнителя Императора“, Александра Благословеннаго, на смертномъ одрѣ. Къ этой порѣ относится и знаменитый портретъ Пушкина, признаваемый однако далеко не лучшимъ изображеніемъ нашего гениальнаго поэта. Самъ Пушкинъ укорялъ Кипренскаго, что тотъ польстилъ ему:

«Ушедъ навѣкъ отъ смертныхъ узъ,  
Себя, какъ въ зеркалѣ, я вижу,  
Но это зеркало мнѣ льститъ»...

Въ 1828 году Кипренскій снова отправился въ Италію, и на этотъ разъ уже навсегда. Безпокойная натура художника влекла его къ новымъ впечатлѣніямъ...

Эта послѣдняя поѣздка въ Италію окончательно погубила дарованіе Кипренскаго, равно какъ и его самого. Онъ окончательно пересталъ быть самимъ собой, какъ художникъ. Прѣжняя яркая, колоритная и смѣлая живопись московскаго періода окончательно смѣнилась рутинной и слащавой зализанностью, на которую, очевидно, въ то время былъ спросъ въ Италіи. Неудачная женитьба,—женитьба, не дававшая ему моральнаго отдохновенія и удовлетворенія, а также и усилившаяся страсть къ вину довели до личнаго паденія Кипренскаго.

5 октября 1836 года Кипренскій скончался въ Римѣ.

Такъ окончилъ свои дни на чужбинѣ одинъ изъ величайшихъ русскихъ художниковъ—„художникъ съ головы до пятъ“, художникъ-мечтатель и герой, воплотившій въ своихъ произведеніяхъ черты благороднаго „Александрова вѣка“. Подобно тому, какъ были герои „двѣнадцатаго года“ и бытописатели этой эпохи, былъ и художникъ „двѣнадцатаго года“, и художникъ этотъ—О. А. Кипренскій.

## Болеславъ Прусъ.

(Портр. на стр. 463).

6 мая с. г. въ Варшавѣ скончался извѣстный польскій писатель, талантливый романистъ, Болеславъ Прусъ.

Въ лицѣ скончавшагося польскаго литератора потеряла крупную величину, да и не одна польская: произведенія Пруса постоянно переводились и на русскій языкъ и пользовались неизмѣннымъ успѣхомъ и у насъ и за границей. Для русскаго читателя Болеславъ Прусъ тѣмъ значительнѣе и дорожее, какъ писатель, что онъ боролся противъ того отчужденія, которое царило, да и понынѣ царитъ, между русскимъ и польскимъ народами. Несмотря на свой характерный псевдонимъ (настоящая фамилія покойнаго—Александръ Главацкій), Прусъ постоянно указывалъ своимъ соотечественникамъ на опасности культурнаго германскаго натиска на Польшу и на возможность онѣмеченія.

По характеру своего творчества и по содержанію своихъ произведеній, а также и по симпатіямъ къ обездоленнымъ и униженнымъ „меньшимъ братьямъ“ Болеславъ Прусъ всего болѣе сближается съ Достоевскимъ. Онъ былъ пѣвцомъ польской бѣдноты и того „надрыва“ въ обществѣ, который происходитъ отъ непониманія низшихъ высшими, бѣдноты—интеллигенціей. Многія изъ его произведеній представляютъ настоящій апофеозъ

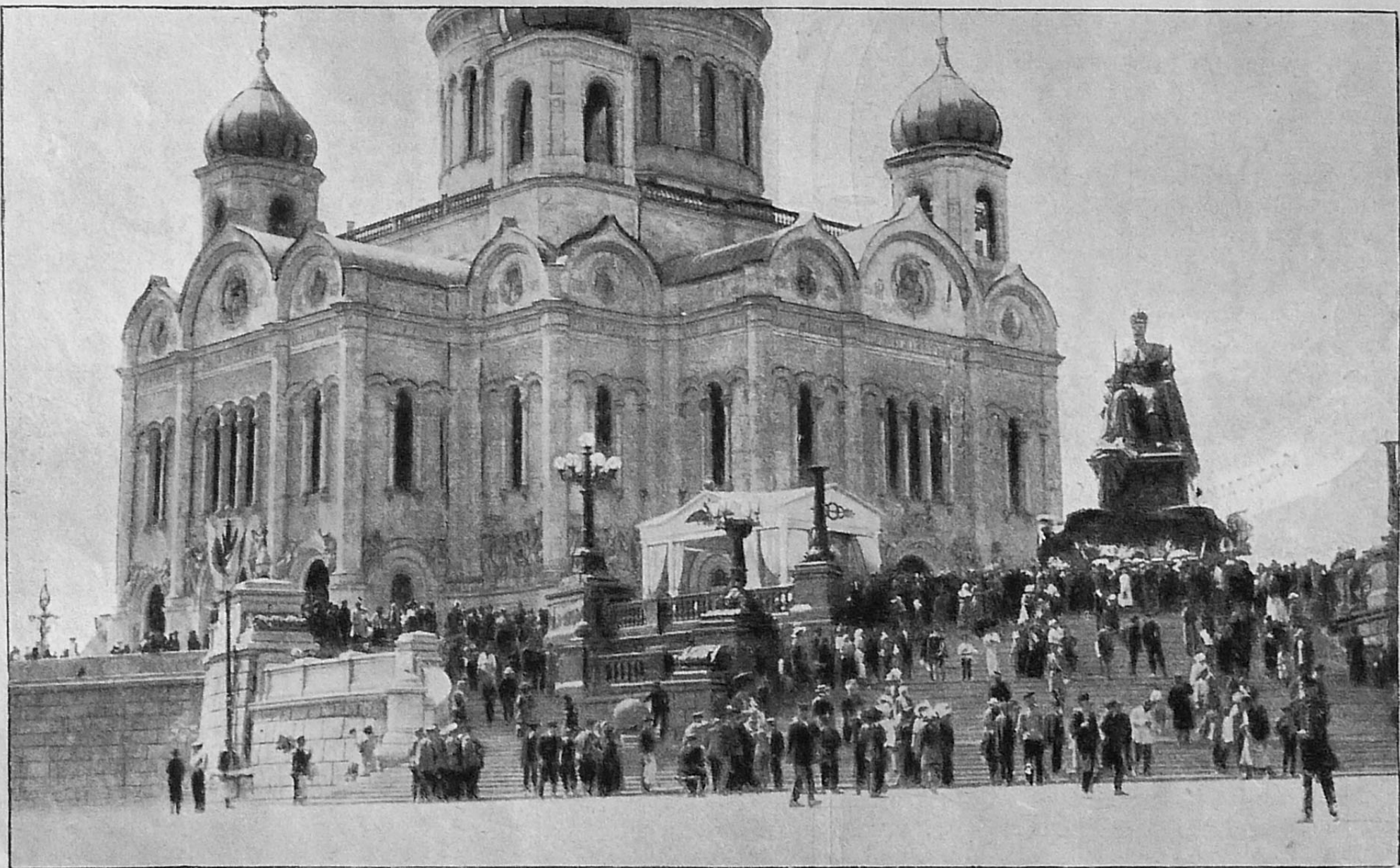


Памятникъ Петру Великому, основателю Тульскаго оружейнаго завода, сооруженный ко дню 200-лѣтія завода (28 апрѣля с. г.) на средства, собранныя среди рабочихъ, мастеровъ и администраціи завода.

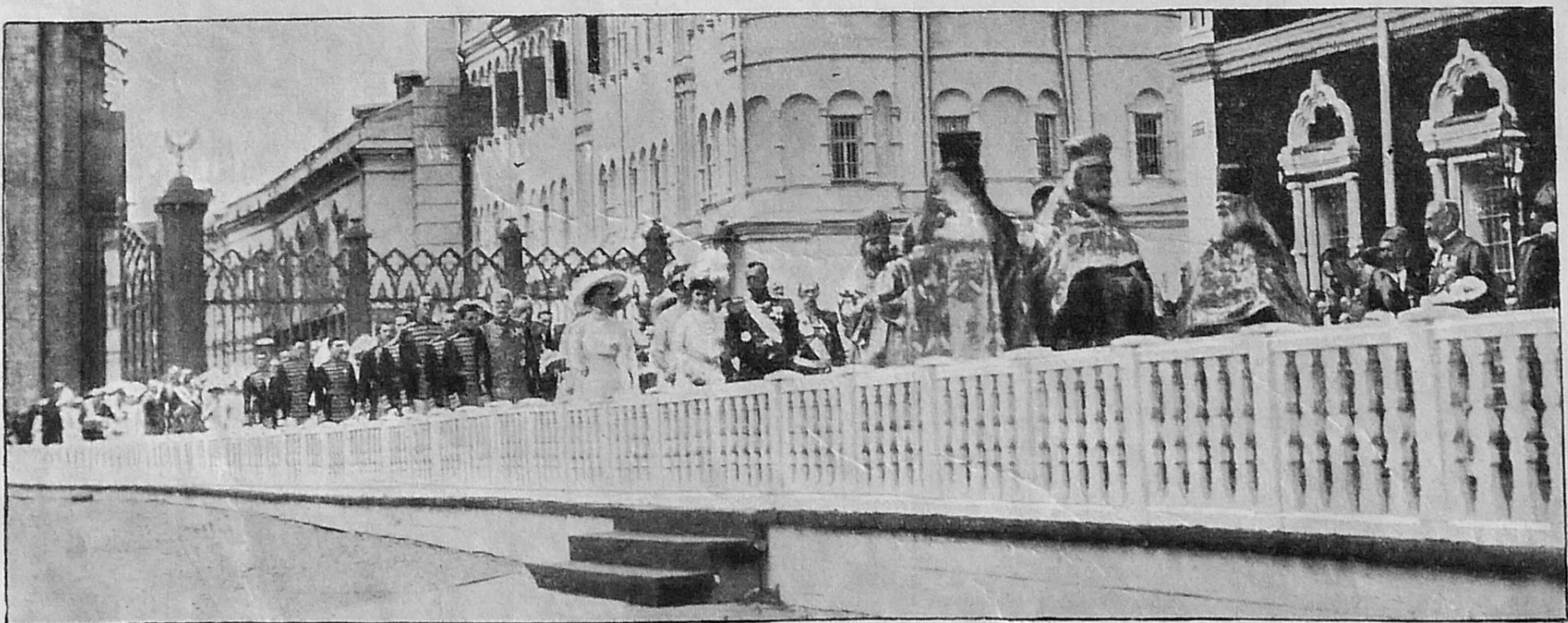




Памятникъ Императору Александру III, сооруженный на площади храма Христа Спасителя по проекту академика А. М. Опекушина и отлитый изъ бронзы на заводъ Морана.



На площади храма Христа Спасителя, въ день открытія памятника, послѣ торжества.



Высочайшій выходъ изъ Большаго Кремлевскаго дворца въ Успенскій соборъ и Чудовъ монастырь 29 мая с. г. Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ, Государыня Императрица Марія Теодоровна, Государыня Императрица Александра Теодоровна съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Августѣйшими Дочерьми Великими Княжнами Ольгой, Татіаной, Маріей и Анастасіей Николаевнами, въ предшествіи митрополита московскаго, высокопреосвященнаго Владиміра, епископовъ и прочаго духовенства, слѣдуютъ изъ Успенскаго собора въ Чудовъ монастырь.

Торжественное открытіе памятника Императору Александру III въ Москвѣ, въ Высочайшемъ присутствіи, 30 мая с. г.



## Отливка памятниковъ. (Съ 4 рис. на этой стр.).

Отливка большихъ монументовъ требуетъ значительныхъ техническихъ и художественныхъ знанийъ.

Скульпторы представляютъ на конкурсъ небольшія модели, — проекты памятниковъ, — выѣланные изъ воска, глины или пастелина. Выбранный проектъ необходимо увеличить до размѣра памятника. Это увеличеніе по большей части дѣлаютъ лѣщики-специалисты, которые математически-точно воспроизводятъ оригиналъ въ увеличенномъ масштабѣ. Когда глиняная модель статуи готова, ее обкладываютъ гипсомъ или алебастромъ, который, высохнувъ, легко отдѣляется отъ оригинала, давая точный отпечатокъ послѣдняго. Гипсъ снимается, конечно, частями, которыя потомъ складываются. Въ полученную форму снова наливается жидкій гипсъ, который, высохнувъ, даетъ точную копию оригинала, при чемъ, конечно, первая форма разбивается.

Полученную гипсовую фигуру подправляютъ, сглаживаютъ швы и неровности. Затѣмъ эту фигуру снова дѣлятъ на части и приступаютъ къ ихъ формовкѣ. Формуютъ въ особо приготовленной землѣ, которую заключаютъ въ большіе ящики — „опоки“, состоящіе изъ двухъ половинокъ, куда уже непосредственно льется сплавъ — бронза.

Для того же, чтобы въ фигурѣ была пустота, что необходимо для уменьшенія тяжести и во избѣжаніе непроизводительной

траты металла, при формовкѣ очень искусно внутрь вдѣлывается „калибрь“, т.-е. земляная же фигура, но сѣзанная въ объемѣ настолько, насколько хотятъ получить толщину стѣнокъ бронзовой фигуры. „Калибрь“ укрѣпляется массой тонкихъ проволокъ и, по отливкѣ фигуры, легко высыпается изъ нея.

Приготовленная окончательно форма — опока — ставится въ особую печь-грѣлку, гдѣ она довольно продолжительное время просыхаетъ и нагревается. Бронза плавится въ нѣсколькихъ тигляхъ, а потомъ сливается въ одинъ общій.

Вливаніе расплавленнаго металла въ опоку — самый важный и торжественный моментъ въ отливкѣ. Малѣйшая оплошность, и все труды пропадутъ даромъ — формовку придется повторить снова.

Когда опока съ налитымъ металломъ остынетъ, ее раскрываютъ и вынутую фигуру или ея части очищаютъ отъ земли, сглаживаютъ и зачищаютъ все дефекты. Отдѣльные части пригоняются и соединяются болтами. Когда бронзовая фигура собрана и швы окончательно зачеканены, приступаютъ къ окрашиванію бронзы въ темно-коричневый цвѣтъ или античный, т.-е. съ зелеными подтеками („патина“).

Этимъ работы по отливкѣ заканчиваются.

Изъ бронзо-литейныхъ заводовъ въ Россіи особенно выдается старѣйшій заводъ Морана въ С.-Петербургѣ. Этотъ заводъ въ числѣ многихъ памятниковъ отлилъ памятникъ Николаю I въ Петербургѣ, Пушкину въ Москвѣ и только-что открытый памятникъ Императору Александру III въ Москвѣ.



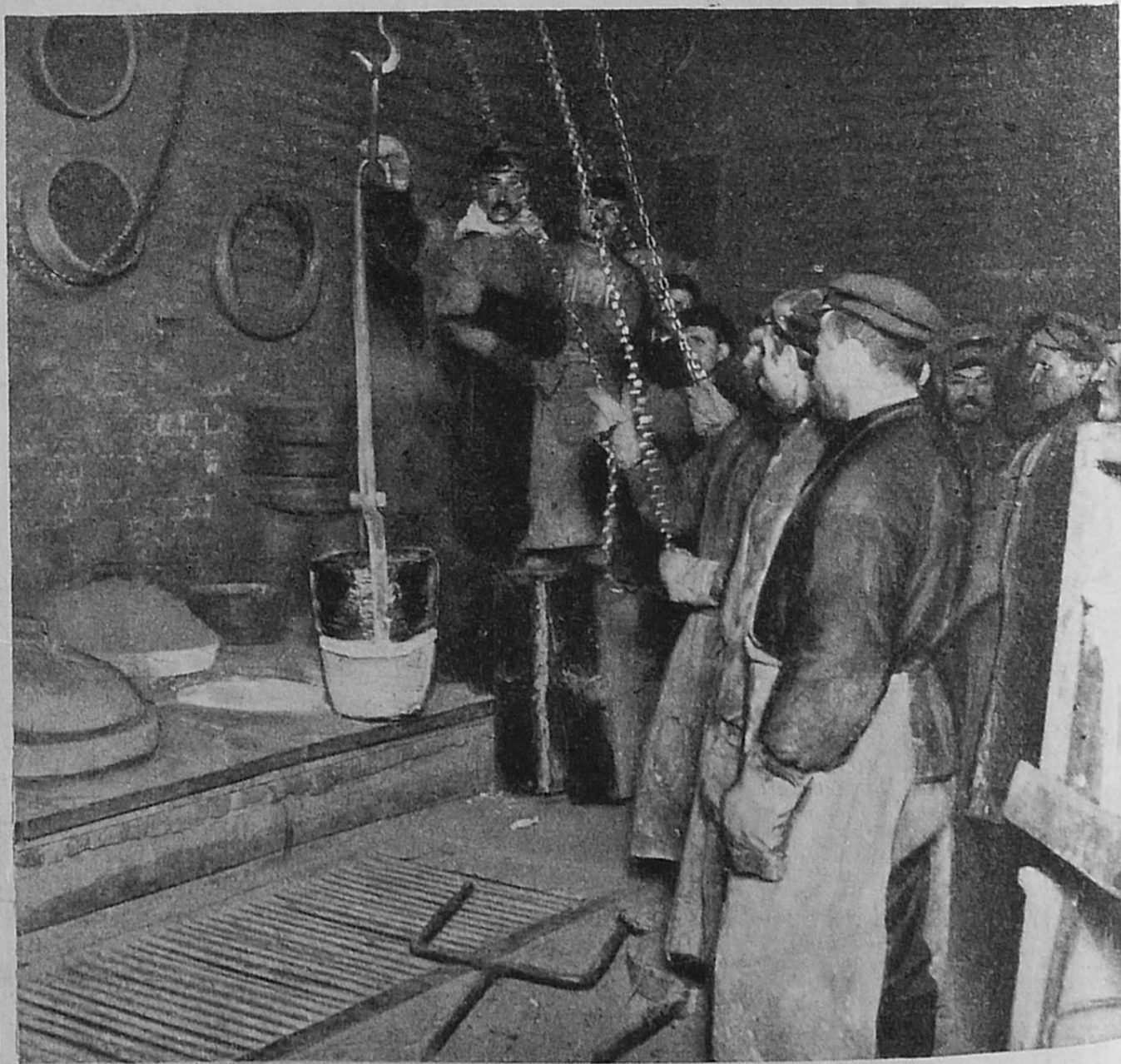
Академикъ А. М. Опекушинъ.



Модель памятника до отливки, исполненная академикомъ А. М. Опекушинымъ.



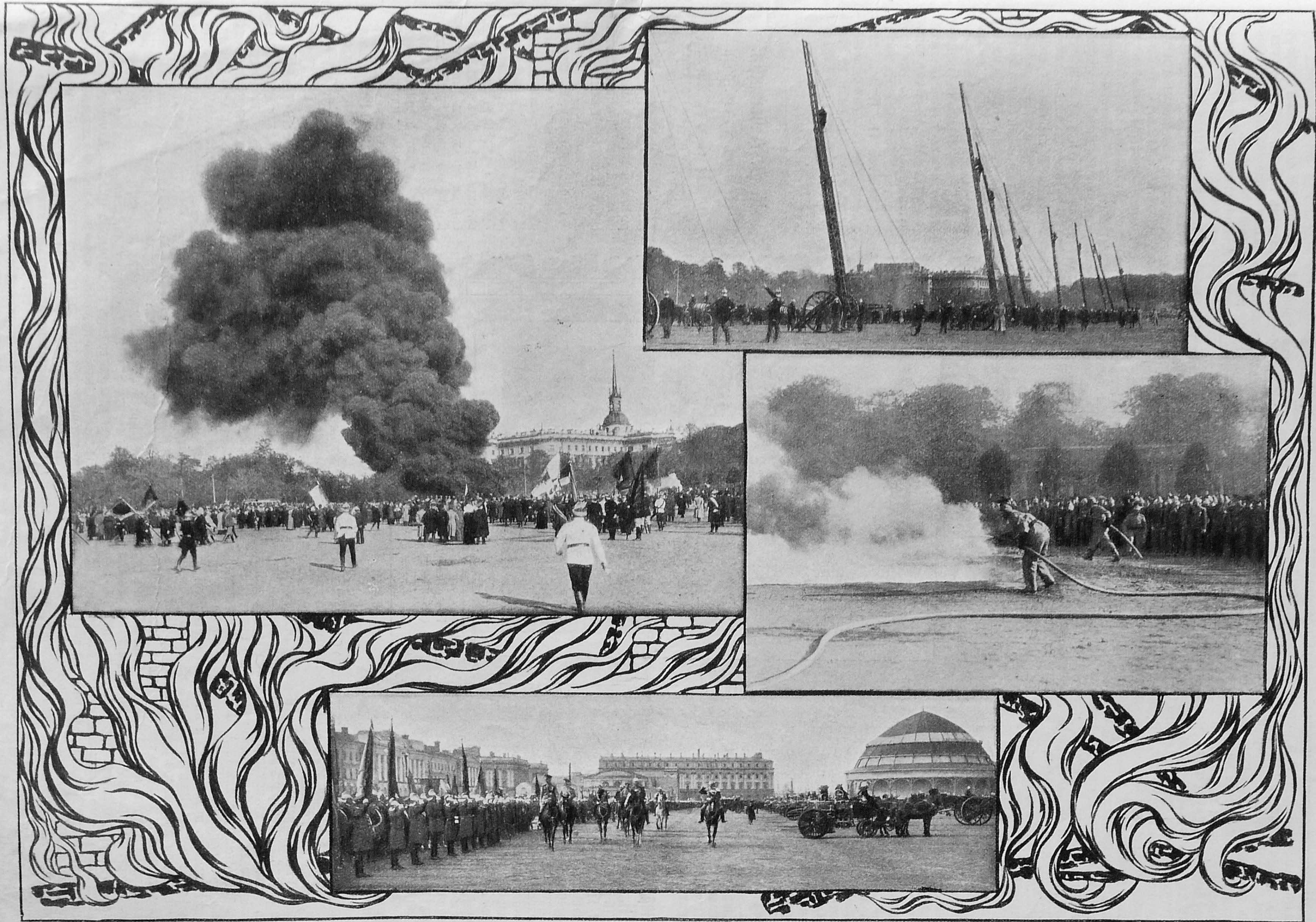
Формовка головы памятника.



Поднятіе тигля съ расплавленной бронзой для отливки фигуры памятника.

Отливка изъ бронзы памятника Императору Александру III на заводѣ Морана въ Петербургѣ.





Къ международному конгрессу пожарныхъ дѣятелей въ Петербургѣ. Парадъ пожарнымъ частямъ, демонстрированіе работы пожарныхъ и испытанія тушенія горящей нефти на Марсовомъ полѣ въ Петербургѣ. По фот. К. Булла.



страдальчески-униженных и оскорбленных представителей загнанного польского „быдла“ и вмѣстѣ съ тѣмъ являются рѣзкимъ обвинительнымъ актомъ противъ надменнаго и жестокаго шляхетства. Великолепный изобразитель быта, онъ увѣковѣчилъ жизнь современнаго польскаго народа въ цѣломъ рядѣ мастерски написанныхъ романовъ и новеллъ. Въ то же время онъ, подобно Достоевскому, тонкій психологъ и знатокъ человѣческой души.

Перу Болеслава Пруса принадлежить очень много произведений. Кромѣ многочисленныхъ романовъ („Кукла“ и др.) и повѣстей („На стражѣ“), онъ писалъ статьи и фельетоны въ газетахъ, преимущественно въ „Курьерѣ Варшавскомъ“; свойственное ему остроуміе создало ему большой кругъ читателей, хотя покойный писатель никогда не считалъ этихъ фельетонныхъ и публицистическихъ работъ своимъ настоящимъ дѣломъ.

Внѣшняя сторона біографіи Болеслава Пруса имѣетъ довольно своеобразныя черты: технологъ и математикъ по образованію, онъ въ дни своей молодости ради „опрошенія“ и сближенія съ народомъ служилъ на фабрикѣ въ качествѣ простаго кузнеца-рабочаго. Сближеніе это было плодотворное въ томъ отношеніи, что Главацкій дѣйствительно узналъ такимъ путемъ простаго человѣка и нашелъ въ немъ такія черты, которыя оказались достойны и уваженія и художественнаго изображенія... И когда позднѣе литературная дѣятельность совершенно захватила и покорила Главацкаго-Пруса, онъ посвятилъ всю свою творческую силу изобразительности на увѣковѣченіе въ изящной литературѣ того „меньшого брата“, съ которымъ когда-то работалъ бокъ-о-бокъ въ кузницѣ... Въ этой-то кузницѣ А. Главацкій и выковалъ и отчеканилъ Б. Пруса—пѣвца слабыхъ, обиженныхъ и страдающихъ...

### Генераль-отъ-кавалеріи Н. А. Винтуловъ.

(Портр. на этой стр.).

13 іюня текущаго года исполнится 50-лѣтіе служенія въ офицерскихъ чинахъ извѣстнаго дѣятеля въ области кавалерійской службы—генерала-отъ-кавалеріи Николая Александровича Винтулова.

Ген. Винтуловъ родился въ 1845 году. Образование онъ получилъ въ Пажескомъ Его Императорскаго Величества корпусѣ, гдѣ окончилъ курсъ по первому разряду. Въ военную службу Н. А. Винтуловъ вступилъ 13 іюня 1862 года корнетомъ въ Л.-гв. Кирасирскій Его Величества полкъ. По службѣ ген. Винтуловъ подвигался довольно быстро и въ 1875 году уже командовалъ эскадрономъ Его Величества, а въ 1880 году былъ назначенъ командиромъ 14-го Уланскаго (нынѣ 38-го Драгунскаго) Владимірскаго полка. Въ 1889 году Н. А. Винтуловъ былъ произведенъ въ генераль-маіоры и одновременно съ этимъ получилъ назначеніе въ командиры 1-й бригады 12-й кавалерійской дивизіи, послѣ чего былъ командиромъ 1-й бригады 1-й дивизіи.

Съ 1893 года генераль Н. А. Винтуловъ сталъ посвящать свои труды преимущественно ремонтному дѣлу,—области, въ которой его дѣятельность проявляется и въ настоящее время. Въ названномъ году генераль Винтуловъ былъ назначенъ состоящимъ для порученій при инспекторѣ ремонтныхъ кавалеріи и бригадъ кавалерійскаго запаса. Позднѣе ген. Винтуловъ исполнялъ должность инспектора ремонтныхъ, а въ 1911 году Высочайшимъ приказомъ былъ назначенъ начальникомъ Управления по ремонту арміи. Въ своей должности ген. Винтуловъ состоитъ и понынѣ и является главою того вѣдомства, которое озабочено пополненіемъ нашей арміи коннымъ составомъ. Въ этой сферѣ генераль Н. А. Винтуловъ работаетъ много и плодотворно, съ присущей ему энергіей и сумѣлъ поставить дѣло кавалерійскаго ремонта на должную высоту. Почти каждый годъ онъ проводитъ немало времени въ командировкахъ по Россіи въ наблюденіи за пополненіемъ и обновленіемъ кавалерійскаго состава.

Кромѣ этихъ практическихъ дѣйствій въ данной области, генераль Винтуловъ занимался и теоретической разработкой ремонтнаго дѣла: нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ принималъ дѣятель-

ное участіе въ Комиссіи по разработкѣ Положенія о ремонтіи арміи.

Много труда въ свое время Н. А. Винтуловъ положилъ и въ сферѣ благотворительной области—въ Красномъ Крестѣ; за „особое участіе, труды и пожертвованія въ пользу Общества Краснаго Креста“ ему былъ присужденъ знакъ этого общества.

Въ генералы-отъ-кавалеріи Н. А. Винтуловъ былъ произведенъ въ 1910 году.

Трудно найти человѣка, который такъ располагалъ бы къ себѣ каждаго, какъ генераль Н. А. Винтуловъ. Отличаясь рѣдкой сердечностью, Н. А. Винтуловъ не знаетъ предѣла обязательной и деликатной помощи ближнему, кто бы онъ ни былъ. Это одинъ изъ тѣхъ крайне рѣдкихъ людей, которые какъ бы созданы для сердечной и душевной общительности. Настоящая сфера житейской дѣятельности генерала Н. А. Винтулова — благотворительность во всехъ ея видахъ, начиная отъ простой помощи нуждающемуся и кончая деликатными товарищескими услугами тамъ, гдѣ требуются тонкій тактъ, большая душевная уравновѣшенность и безукоризненное знаніе людей своего круга. Дѣланіе добра ближнему — своего рода житейскій девизъ генерала Винтулова.

Съ этимъ девизомъ, непрерывно осуществляемымъ, генераль Н. А. Винтуловъ вступаетъ нынѣ во второе полустолѣтіе своей служебной дѣятельности. И все, кто знаютъ его, конечно, пожелаютъ ему и силъ и здоровья для дальнѣйшей дѣятельности.

### Х. Д. Алчевская.

(2 портр. на стр. 463).

20 мая с. г. въ Харьковѣ въ стѣнахъ мѣстнаго университета состоялось торжественное чествованіе Х. Д. Алчевской, которая полвѣка проработала на поприщѣ народнаго образованія и подняла къ свѣту и знанію цѣлыя поколѣнія въ народѣ.

Имя Христины Даниловны Алчевской пользуется у насъ на югѣ громкой извѣстностью. И полувѣковой юбилей ея собралъ въ стѣнахъ мѣстнаго высшаго учебнаго заведенія въ Харьковѣ всехъ тѣхъ, кому близки и дороги интересы народнаго просвѣщенія. Пятьдесятъ лѣтъ неустаннаго труда окружаютъ эту замѣчательную женщину такимъ яркимъ ореоломъ, что отблескъ его долженъ быть виденъ всей Россіи, какъ виденъ онъ Парижу, Лондону

и Америкѣ, гдѣ уже давно и признана, и оцѣнена, и удостоена наградъ замѣчательная педагогическая дѣятельность Х. Д. Алчевской.

Христина Даниловна Алчевская родилась въ 1843 году, въ г. Борзнѣ, Черниговской губ. Девятнадцати лѣтъ отъ роду она вступила на путь просвѣтительной дѣятельности и уже не разставалась съ этой дѣятельностью. И чѣмъ далѣе уходила она на этотъ трудный путь, тѣмъ энергичнѣе и плодотворнѣе была ея работа. Не ограничиваясь простой преподавательской дѣятельностью, эта „народная учительница“ стремилась къ широкому организаторскому творчеству,—стремилась создать крупныя просвѣтительныя учрежденія и основать цѣлую сеть такихъ учреждений для поднятія образованія и интеллектуальныхъ силъ въ народѣ. Для этой цѣли Х. Д. Алчевская окружала себя такими же дѣятельными сотрудниками и сотрудницами, какъ она сама,—и мало-помалу ей удалось создать въ Харьковѣ цѣлый „Алчевскій факультетъ“, дѣятельность котораго обратила на себя вниманіе всехъ, кто интересуется народнымъ образованіемъ.

По инициативѣ Х. Д. Алчевской и при ея ближайшемъ участіи и руководствѣ въ Харьковѣ возникла превосходная воскресная школа. Благодаря ей, могучими шагами пошло у насъ на югѣ внѣшкольное образованіе. Благодаря ей же, расцвѣла и стала чуть ли не вторымъ въ Россіи по размѣрамъ книгохранительницъ харьковская общественная бібліотека. Наконецъ только одной Х. Д. Алчевской мы обязаны тѣмъ, что дѣло бібліотечковѣдѣнія и регистраціи книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія



Генераль-отъ-кавалеріи Н. А. Винтуловъ.  
(По поводу 50-лѣтія служенія въ офицерскихъ чинахъ).



поставлено у нас теперь на твердую почву. Знаменитая книга Х. Д. Алчевской „Что читать народу?“ является истинно-классическим трудомъ въ этомъ родѣ.

Трудно перечислить все стороны ея кипучей и многообразной просвѣтительной дѣятельности: и педагогическія тѣсномъ смыслѣ, и теоретическая разработка различныхъ педагогическихъ вопросовъ, и испытанія новыхъ методовъ преподаванія, и критическія рецензіи книгъ для дѣтей и народа, и наконецъ организація педагогическихъ учреждений—все это сливается у Х. Д. Алчевской въ стройную и красивую картину жизни. Трудно повѣрить, что одинъ человекъ, одна народная учительница сдѣлала такъ много для народного просвѣщенія!

И недаромъ юбилейное торжество въ честь Х. Д. Алчевской протекло 20 мая такъ блестяще и вызвало такъ много горячихъ привѣтствій по ея адресу почти со всей Россіи. Такъ чествуютъ только дѣйствительно выдающихся общественныхъ дѣятелей.

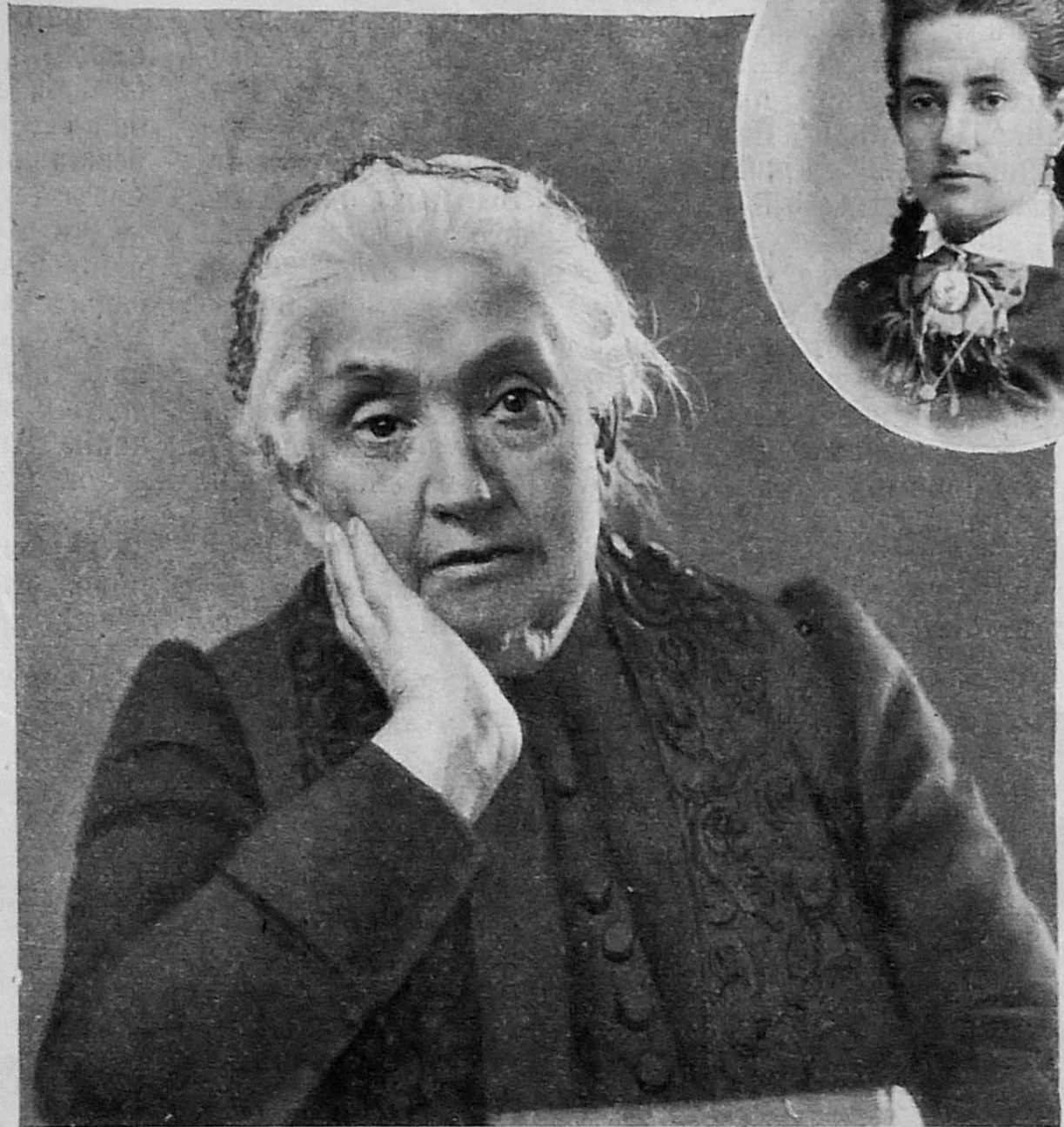
### Музей Антропологии и Этнографии имени Петра Великаго. (Съ рис. на стр. 464).

20 мая с. г. въ Петербургѣ открылся Музей Антропологии и Этнографии имени Петра Великаго при Императорской Академіи Наукъ. Одновременно состоялось открытіе Петровскаго отдѣленія при этомъ новомъ Музеѣ.

Въ Музеѣ Этнографии и Антропологии обращаютъ на себя вниманіе интереснѣйшія этнографическія коллекціи, вывезенныя изъ Центральной и Южной Америки. Музей этотъ, собственно говоря, существовалъ и ранѣе, и нынѣ, послѣ капитальной перестройки и переустройства, онъ лишь вновь открывается для публики. Но „Петровское отдѣленіе“ этого Музея — совершенно новое учрежденіе и притомъ чрезвычайно своеобразное и обладающее рѣдчайшими историческими реликвіями, относящимися къ личности Великаго Преобразователя Россіи.

Въ Петровскомъ отдѣленіи названнаго Музея собрано все, что можно было собрать изъ предметовъ, имѣющихъ то или иное отношеніе къ Петру Великому. Еще въ 1909 году директоръ Этнографическаго Музея при Академіи Наукъ, В. В. Радловъ, возбудилъ ходатайство объ объединеніи въ одномъ помѣщеніи всехъ предметовъ, принадлежавшихъ Петру Великому. Его ходатайство имѣло успѣхъ, и уже въ 1910 году началась передача въ основываемое „Петровское отдѣленіе“ всехъ петровскихъ реликвій, находившихся въ Зимнемъ Дворцѣ

себя вниманіе паспортъ, съ которымъ Петръ Великій въ 1711 году ѣздилъ за границу. Паспортъ этотъ выданъ отъ имени „Петра I, Царя и Самодержца всероссій-



Х. Д. Алчевская. (По поводу 50-лѣтія дѣятельности на пользу народного образованія).



Х. Д. Алчевская въ 1862 г., когда началась ея работа въ воскресной школѣ.

скаго“, „дворянину нашему Петру Михайлову“... Иначе говоря, Петръ Великій самъ выдалъ себѣ этотъ паспортъ...

Здѣсь же выставлены книги изъ бібліотеки Петра Великаго, его рабочій столъ, его раскрашенная восковая статуя и т. п. Въ другихъ залахъ собраны токарныя станки, на которыхъ работалъ Петръ Великій, его работы изъ кости и дерева, хирургическія инструменты, которыми онъ оперировалъ, и даже коллекція зубовъ, выдернутыхъ Петромъ I у разныхъ лицъ.

Очень интересенъ гардеробъ Петра Великаго, выставленный въ послѣдней залѣ. Здѣсь имѣются, между прочимъ, его крестьянская рубашка, его кафтаны, шаровары и т. п. Вся эта коллекція прекрасно сохранилась.

Въ общемъ, этотъ новый Музей необыкновенно интересенъ и заслуживаетъ внимательнаго обзора всехъ собранныхъ въ немъ рѣдкостей, такъ изумительно сохранившихся до нашего времени нѣчто живое и нетлѣнное отъ великой личности Петра I.

### Положеніе Турціи.

(Политическое обозрѣніе).

Съ захватомъ Ионическаго архипелага турецко-итальянская война вступила въ новую фазу. Несомнѣнно, турецкой арміи, лишенной морскихъ сообщеній съ метрополіей, трудно будетъ продолжать борьбу. Если контрабандное снабженіе оружіемъ и военными припасами черезъ Тунисъ и Египетъ и будетъ продолжаться, то уже въ самыхъ микроскопическихъ размѣрахъ, далеко не соответствующихъ потребностямъ арміи. Въмѣстѣ съ ослабленіемъ сопротивленія усиливаются шансы прочнаго завоеванія страны итальянцами. Захвативъ всю прибрежную полосу, лишивъ возможности Турцію посылать продовольственные и военные припасы въ Триполи контрабандою, они прекратятъ доступъ питанія къ непріятельской арміи и безъ риска получатъ возможность занять главные караванныя пути въ сопротивляющейся странѣ и привести арабовъ къ повиновенію. Воззваніе къ примиренію, изданное (вѣроятно, подъ редакціею генерала Каневы) арабами города Триполи и призывающее къ покорности итальянцамъ всехъ арабовъ Триполитаніи, свидѣтельствуетъ о томъ, что арабы пустыни далеко не столь непримиримы поклонники Турціи и турецкой администраціи, какъ думаютъ въ Константинополѣ. Немножко свободы, немножко уваженія къ ихъ бытовымъ особенностямъ и гарантированная неприкосновенность религіозныхъ вѣрованій — и сегодняшніе враги итальянцевъ сдѣлаются, быть-можетъ, ихъ горячими приверженцами. Сами турки жалуются, что арабскіе арабы вступили въ открытый союзъ съ итальянцами и при ихъ поддержкѣ громятъ турецкую армію, окончательно обезсилѣвшую отъ прекращенія подвоза подкрѣпленій морскимъ путемъ. Что же удивительнаго, если итальянцы въ концѣ концовъ сумѣютъ створиться и съ триполитанскими арабами. Примѣръ Алжира и Ту-



Болеславъ Прусъ (1847—1912).

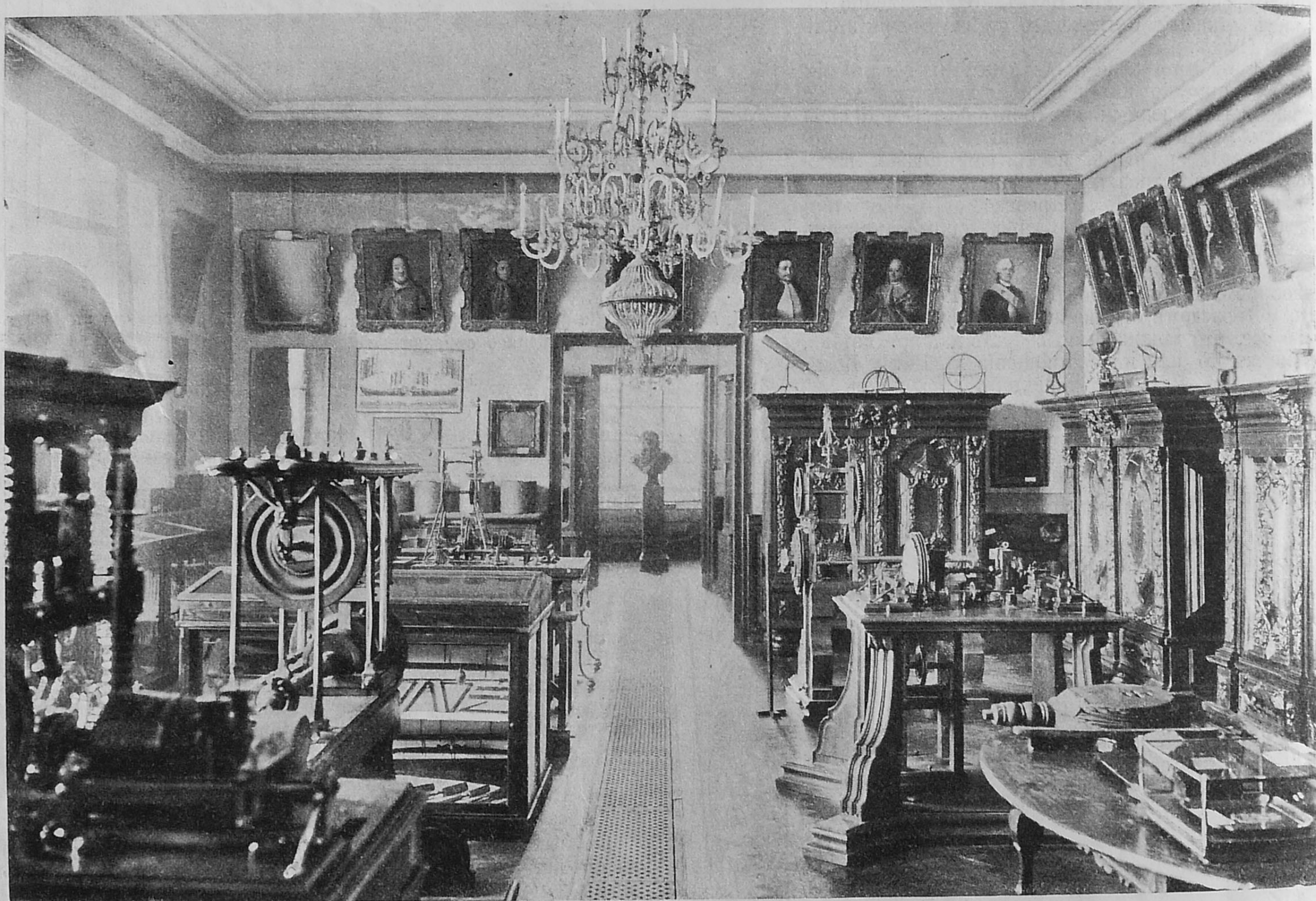
и знаменитой „Петровской галереѣ“ Эрмитажа. Для Петровскаго отдѣленія была произведена надстройка 3-го этажа въ Музеѣ.

Подъ Петровскій музей отведено четыре большихъ залы. Здѣсь собранъ цѣлый рядъ интереснѣйшихъ реликвій. Обращаетъ на



ниса доказываетъ, что сопротивленіе самыхъ воинственныхъ дикихъ племенъ могущественной культурной націи не можетъ длиться вѣчно. Отъ прежней политической самостоятельности Алжира осталось едва ли не единственное воспоминаніе въ видѣ гоголевскаго изреченія о ишикѣ подъ носомъ у алжирскаго бей. Стратегическія и политическія выгоды отъ захвата Ионическихъ острововъ такъ несомнѣны, что казалось страннымъ, почему Италия не приступила къ этому сразу и рѣшилась на безусловно необходимую мѣру только черезъ семь мѣсяцевъ безплодной военной канители. Надо думать, что ее въ этомъ случаѣ останавливали какія-то тайныя дипломатическія препятствія, обязательства, принятыя относительно нейтральныхъ державъ. Однако сила подобныхъ обязательствъ далеко не безусловна. Въ кровавой дракѣ трудно соблюдать вѣжливость относительно третьихъ лицъ и не повернуться къ нимъ спиной. Младотурецкое правительство вышло побѣдителемъ во внутренней избирательной борьбѣ, но его избирательныя побѣды, купленные цѣною кровавыхъ насилій надъ населеніемъ, показываютъ вовсе не силу конституціоннаго движенія въ странѣ, а полную фиктивность всѣхъ конституціонныхъ реформъ въ якобы обновленной Турціи. Начиная войну, оно плохо разсчитало свои шансы. Занятіе итальянскимъ флотомъ Ионическаго архипелага лишаетъ Турцію не только чрезвычайно цѣнныхъ острововъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлая почти невозможной дальнѣйшую защиту Триполи, лишаетъ

ее и Аравіи, которая подъ главенствомъ шейха Мадрисса истребляетъ остатки турецкаго корпуса и окончательно разрываетъ свою зависимость отъ константинопольскаго правительства. Вмѣсто одной Триполитаніи неговорящія младотурецкіе политики утрачиваютъ цѣлую массу владѣній. Возобновленіе албанскаго возстанія при явной поддержкѣ извнѣ грозитъ имъ и отпаденіемъ Албаніи, которое будетъ началомъ общаго изгнанія турокъ изъ Европы. Положеніе ихъ теперь хуже, чѣмъ было при Абдуль-Гамидѣ, потому что тогда при угрозахъ изгнанія изъ Европы они считали себя дома въ Азіи, а теперь и сама Азія въ лицѣ возставшихъ областей Сиріи и Аравіи относится къ нимъ далеко не гостепріимно и силою оружія тоже изгоняетъ ихъ изъ своихъ нѣдръ. Конституція не оказалась тѣмъ волшебнымъ лѣкарствомъ, которое могло бы возродить „Больного человѣка“ отъ смертнаго одра. Среди его враговъ и друзей уже ведется шепоткомъ подозрительный разговоръ о его наслѣдствѣ, назрѣваетъ вопросъ о предстоящемъ раздѣлѣ Турціи. Автономія Албаніи послужитъ, вѣроятно, первымъ шагомъ къ выдѣленію Македоніи, къ присоединенію Австріею Новобазарскаго санджака, Иллиріи—къ Греціи, къ округленію границъ Сербіи, Болгаріи и Черногоріи и къ компенсации остальныхъ державъ соответствующими ихъ аппетитамъ захватами. Роковой для Турціи оборотъ триполитанской войны приведетъ Европу къ большимъ потрясеніямъ. Мы наканунѣ весьма крупныхъ событій.



Музей Антропологии и Этнографии имени Петра Великаго, открытый 20 мая с. г. при Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Зала Петровскаго отдѣленія при Музеѣ съ реликвіями Петра Великаго. По фот. К. Булла.

## ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разорочки подписной платы за „Ниву“ сего 1912 г., къ 1 іюня слѣдовало внести **не менѣе 6 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленно присылкою** слѣдующаго взноса, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 1 іюля (съ № 27-го). При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли или прилагать самый адресъ.** При **перемѣнѣ адреса** слѣдуетъ прилагать **28 коп.** почтовыми марками и **печатный адресъ** или сообщить № печатнаго адреса.

**Содержаніе.** Т Е К С Т Ъ: Избалованный. Веселая повѣсть въ духѣ времени. Ал. Лугового. (Окончаніе).—Три дня внѣ жизни. Фантазія А. В. Стернь.—Горный походъ. Разсказъ И. Чеха. (Окончаніе).—О. А. Кипренскій.—Болеславъ Прусь.—Генераль-отъ-кавалеріи Н. А. Винтуловъ.—Х. Д. Алчевская.—Музей Антропологии и Этнографии имени Петра Великаго.—Положеніе Турціи (Политическое обозрѣніе). Заявленіе.—Объявленія.  
Р И С У Н К И: О. А. Кипренскій (5 автопортретовъ и 7 портретовъ).—Тулскій Императора Петра Великаго оружейный заводъ (по поводу 200-лѣтія его существованія).—Памятникъ Петру Великому, основателю Тульскаго оружейнаго завода.—Къ международному конгрессу пожарныхъ дѣятелей въ С.-Петербургѣ.—Генераль-отъ-кавалеріи Н. А. Винтуловъ.—Болеславъ Прусь.—Х. Д. Алчевская.—Музей Антропологии и Этнографии имени Петра Великаго.  
Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Нуприна“ нн. 9.

Редакторъ-Изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.